

ИСКУРКА

8 АВГУСТ
1986

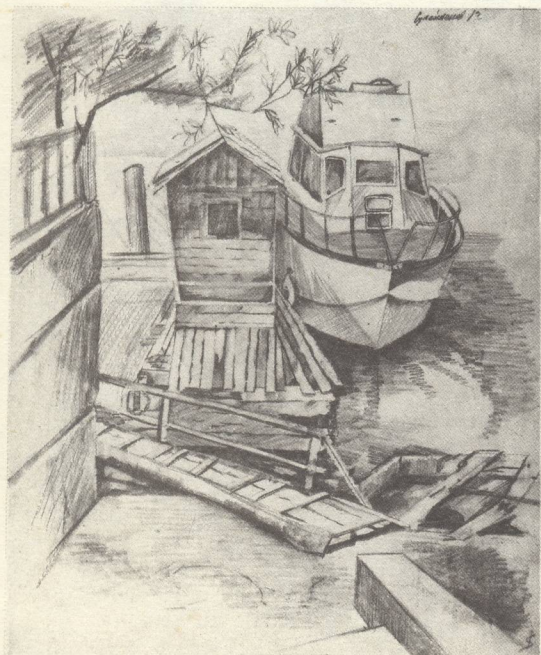

Жохан Талх, 16 лет.

Абрамов Волюх, 12 лет.

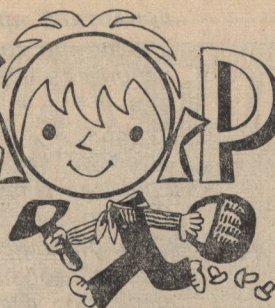
Султанов Ибрагим, 13 лет.

Сорока Лека, 15 лет.

ИСКРА

8 АВГУСТ
1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

газеты
Ленинские
искры,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Геннадий МОРОЗОВ

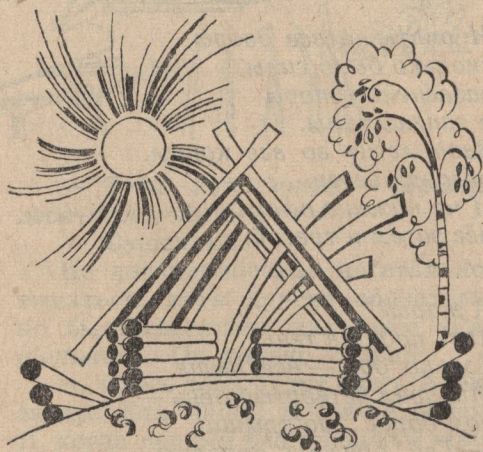
ДОМ ПРИНАРЯЖАЕТСЯ, ВЯЗЬЮ УКРАШАЕТСЯ!

Пар идёт от влажных пашен,
ручейки берут разбег.
А в родной деревне нашей
дом растёт на бугорке.
Плотники ведут протёс.
Каждый телом крепок.
Кольца выцветших волос
вьются из-под кепок.

Пышут спины, точно печи!
Что ни взмах, то шире плечи!

Что тут скажешь, молодцы!
Нет к себе поблажки.
«Вяжут» новые венцы,
зарубают «чашки».
Пусть пролито сто потов,
пусть сморила дрёма,
но зато венец готов,—
он — основа дома!

«Надо б отдых дать рукам!
Надо б сил набраться!..»
Бригадир кивает нам:
— Перекусим, братцы! —
Запалили костерок,
сполоснули ложки,
положили в котелок
молодой картошки.
И покуда клокотала
в котелке картошка —
появились лук и сало

в деревянной плошке.
На фанерке — ломти хлеба...
Все уселись на бревне.
Опустился скворка с неба
и зацвиркал на плетне.
— Что усталость — ерундя! —
бригадир бодрится.—
Эта вкусная еда
сил прибавит, как всегда!
Нам ли не трудиться?!

И опять на все дворы,
сколько было силы,
зазвенели топоры
и запели пилы.
Звон летит во все концы,
обгоняя ветер.
И на нижние венцы
лёг затем и третий.

А жара!!!
Хоть падай в тени!
Только дом — всё выше.
Миновал четвёртый день —
дом дорос... до крыши!
— Гей, бригада, торопись
поднимать растяжки ввысь!
Ну-ка, сгрудимся теснее —
балки выложим ровнее!
Углубить распилы,
закрепить стропила!
Подогнать пазы и кромки,

поплотней пришить стреху! —
бригадира голос громкий
раздаётся наверху.

В доску врезываясь резко,
кружева плетёт стамеска.
Словно русские матрёшки,
разукрасились окошки!
Гибкий лобзик и бурав
вырезают стебли трав.
Так, сама того не зная,
нарядилась дверь входная.
Ух, захватывает дух,
как карниз свисает!
Вот кокошник, как петух,
гребнем потрясает!

Я без дела не сижу —
взрослым помогаю.
В дровяник щепу ношу,
стружки подметаю.

Час за часом, день за днём
хорошеет светлый дом.
Дом принаряжается,
вязью украшается.

Рис. К. Дмитракова

«У ХУДОЖНИКОВ НЕ БЫВАЕТ КАНИКУЛ...»

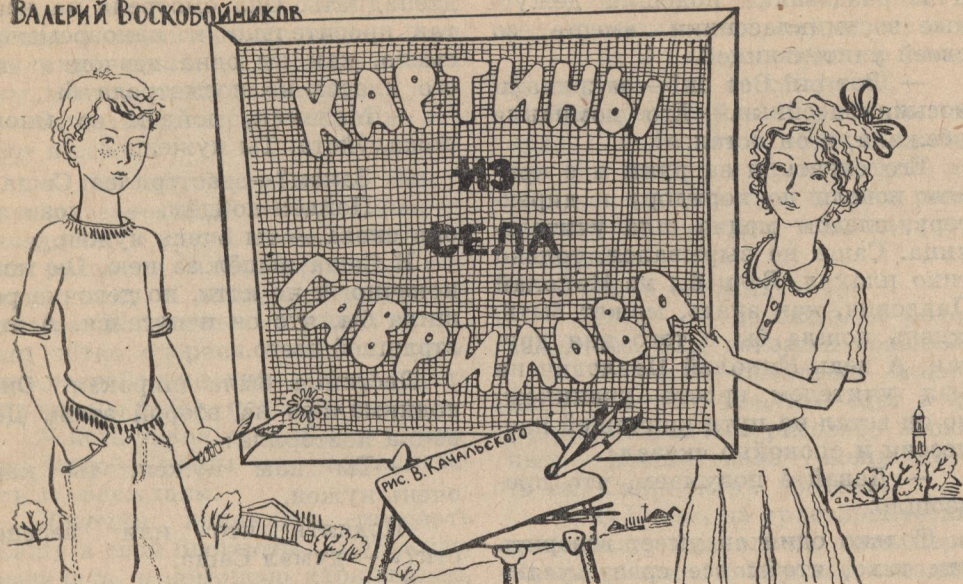
(К рисункам на 2-й и 3-й страницах обложки)

В июньском номере мы закрыли наш конкурс на лучший детский рисунок для «Искорки» — потому что наступили каникулы. И выяснилось, что мы были не правы. «У художников не бывает каникул», — прочли мы в гневном письме, присланном в журнал, — настоящий художник никогда не расстанется с карандашом и бумагой. Он рисует всегда, везде, в любое время года...»

Мы пошли за консультацией в наше любимое ленинградское Городское художественное училище на канале Грибоедова. И там ничего не стали нам объяснять. Перед нами положили работы, сделанные ребятами летом. Этюды, эскизы, зарисовки, наброски... Рисунков было так много, что сначала мы растерялись: что отобрать для журнала? А потом решили: на одной странице мы поместим деревенские этюды, на другой — зарисовки из зоопарка.

Вот какие у художников бывают каникулы!

До конца учебного года оставалось всего несколько дней, когда к Саше подошёл учитель истории и позвал с собой в Крым на археологические раскопки. Ясно, что к первому встречному с таким делом учитель истории подходить бы не стал, но Саша и не был первый встречный.

Они познакомились шесть лет назад первого сентября.

Тогда мама привела Сашу «первый раз в первый класс», дала ему большой букет георгинов, и Саша, зажав букет двумя руками, стоял в строю вместе с такими же первоклассниками, а мама тянулась из толпы родителей сфотографировать этот исторический момент в жизни сына.

А Саше было страшно.

После линейки к ним подбежали десятиклассники. Саша не знал, что так положено — десятиклассники дарят первоклассникам книги и отводят их в школу за руку. И когда десятиклассники стали брать его соседей и куда-то уводить от едва знакомой учительницы, Саша напугался ещё больше.

И тут к нему подошёл совсем огромный десятиклассник. Будущий Николай Павлович,

— Тебя как зовут? — спросил десятиклассник.

— Сашенька.

Но десятиклассник не стал потешаться, хотя другие обязательно бы посмеялись над этим «Сашенькой». Он только сказал:

— Здесь тебя будут звать Александр. Или Саша. И ты не бойся. Я, когда первый раз пришёл в школу, ещё сильнее тебя дрожал, а теперь сам хочу учителем стать. — Перед крыльцом он добавил: — Если кто обидит, ищи меня. Ты — в первом «а», я — в десятом «а». Значит, у нас классы одинаковые.

Немного найдётся первоклассников, у которых есть старший друг из десятого! Саша сильно загордился, когда на другой день будущий Николай Павлович сам его нашёл на перемене и спросил, как жизнь. Другие забыли, кого они там вели с линейки, а Николай Павлович помнил, часто спускался в их коридор и отыскивал Сашу.

Однажды зимой в раздевалке кто-то сбросил пальто на пол и расшвырял шарфы и шапки. А тут прибежал Саша, чтобы взять из кармана забытую точилку для карандашей. Он стал разыскивать своё пальто среди груды других,

а к раздевалке подошли дежурные восьмиклассники вместе со своей учительницей.

— Вот он! Вот он! — закричали восьмиклассники. — Его компания убежала, а он остался!

Его схватили за руки и с криком повели по коридору к директору, следом молча шла учительница. Саша не вырывался, только тихо плакал. Если бы не Николай Павлович, как знать, может быть, жизнь пошла бы с того дня другая. А ведь Николай Павлович не был учителем, просто учеником, но он встал на пути кричащей процессии и спокойно сказал:

— Давайте подумаем, что произошло.

Только один он умеет говорить так тихо, чтобы все сразу услышали.

Восьмиклассники притихли.

— Я этого мальчика хорошо знаю, это Саша из первого «а», и ничего дурного он сделать не способен. Вы же сами видите, у него обострённое чувство совести.

Только что Сашу волокли по коридору, как страшного преступника, а теперь сразу посмотрели на него с уважением, будто и вправду разглядели в нём это «обострённое чувство совести».

Теперь-то Саша понимает, что Николай Павлович, может быть, изменил тогда всю его жизнь. Приволокли бы его, зарёванного, к директору, наказали бы ни за что, и неизвестно, что бы с ним было дальше. Он от обиды мог бы такого наворотить потом!

А слова Николая Павловича про чувство совести в нём засели. И даже если бы у него этого чувства и не было, оно бы стало вырастать. Слова эти много от чего Сашу уберегли и уберегут, наверно.

Так шёл Саша по родной Колокольной улице во второй день летних каникул и думал о себе и о Николае Павловиче, как вдруг из парадной, около пирожковой, вышла девочка.

Девочке, как и Саше, было лет

двенадцать. Она смотрела на него так просительно и одновременно смело, как ни одна девчонка из его класса не посмотрела бы.

— Мальчик, пойдём со мной, пожалуйста. Ты нужен.

— Зачем? — растерялся Саша.

— Пойдём-пойдём, — позвала она снова, — ты очень нужен.

И Саша пошёл за нею. Он мог, конечно, и не идти, но девочка решила бы, что он испугался. А это страшней всего.

Лестница была широкая. Они поднимались на второй этаж. Девочка повторяла:

— Ты нам нужен, ты нам очень нужен.

«Поднять что или перенести?» — думал Саша.

Девочка распахнула широкую деревянную дверь с какой-то надписью, и Саша насторожённо вошёл в большую светлую комнату.

В комнате вдоль стен на табуретах сидели шесть таких же девчонок, у каждой был большой блокнот. А в углу около обыкновенного письменного стола стояла пожилая женщина.

— Привела, — сказала девочка, — он согласен.

— Молодец, Света, — похвалила её женщина и стала оглядывать Сашу. — Хороший мальчик, как раз, какой нужен. Тебя, мальчик, как зовут?

— Саша, — ответил он охрипшим голосом.

— Хорошее имя, — женщина снова его осмотрела. — Ты нам, Саша, очень поможешь. Всего часа три, не больше. Вставай сюда, — показала на небольшое возвышение в центре комнаты. — Так. Ты ловил рыбу? Бери удочку.

— Ловил, — вид у него был наверняка дурацкий, потому что он не знал, чего от него хотят.

— Вставай и лови рыбу. — Женщина хлопнула в ладоши. — Девочки, рисуем рыболова!

Только теперь он догадался: он будет изображать рыболова, а девочки — его рисовать.

— Смотрите, девочки, Саша встал в характерную позу, — говорила женщина, — плечи расслаблены, живот немного вперёд.

Саша испугался и втянул живот в себя.

— Нет-нет, расслабься. Живот у человека всегда немного вперёд, когда он в такой позе. Помните, мы рисовали балет. Там линия живота иная, а лопатки соединены вместе. Взгляните на лицо: у Саши чётко очерчен профиль, хорошо разработана линия носа, сформированы губы, подбородок.

У него такое первый раз в жизни было — чтобы его разглядывали и обсуждали.

Девочки принялись рисовать Сашу в свои блокноты, хмурились, издали, с помощью карандашей, сравнивали длину его головы, рук, шеи. А он устал стоять на одном месте с дурацкой удочкой, и женщина сразу это заметила.

— Не напрягайся, Саша. Если устал, сделаем перерыв. Позировать — дело трудное. Особенно впервые.

Женщина обходила девочек, что-то подправляла у них в блокнотах, а Саша ругал себя, что вляпался в нелепую историю, ведь он шёл в библиотеку со списком книг, который составил Николай Павлович. Но, с другой стороны, это было интересно — смотреть, как они рисуют и как у них в блокнотах он по-разному получается.

Наконец женщина объявила:

— Разомнись, Саша. Перерыв, прошёл час.

Лучше всех рисунок был у Светы. Рядом рисовала её подруга — толстая Маша. Теперь Маша включила в дальнем углу на столе электрический чайник, с полки достала чашки.

Все подходили, наливали себе чай, брали печенье, только Саша сидел посреди комнаты и делал вид, что не замечает их чаепития. Но Света поставила на раскрашенное глиняное блюдо чашку, положила рядом печенюшки и всё принесла ему.

— Пей, пожалуйста, — сказала она и посмотрела ему в глаза.

У них в классе девочки никогда так в глаза не смотрели.

Все пили чай и обсуждали, кто куда поедет летом. Саша думал, что они поедут в какие-нибудь необыкновенные места, но они разезжались кто куда — по дачам и лагерям.

А Света сказала:

— А я — в деревню, к родственникам. Там пейзажи красивые.

— И рисуй побольше животных. Девочки, все, кто едет в деревню, старайтесь рисовать животных! — посоветовала женщина. — А ты, Саша, куда поедешь?

— В Крым, на археологические раскопки, — сказал он, хотя перед Крымом тоже собирался съездить в деревню.

Все посмотрели на него с уважением.

— Давно мечтаю побывать в Крыму, — сказала женщина.

Перерыв кончился. Света взяла у Саши красивое блюдо с чашкой и отнесла на место. Саша снова встал в позу рыболова, но теперь это было не так трудно.

Они стояли на Колокольной улице, их слепило яркое солнце, рядом проезжал трамвай, а следом медленно шла поливальная машина.

Саша, Света, её подруга — толстая Маша — прижались к стене, чтобы их не забрызгало струями, и Света обрадовалась:

— Смотрите, вокруг поливалки радуга!

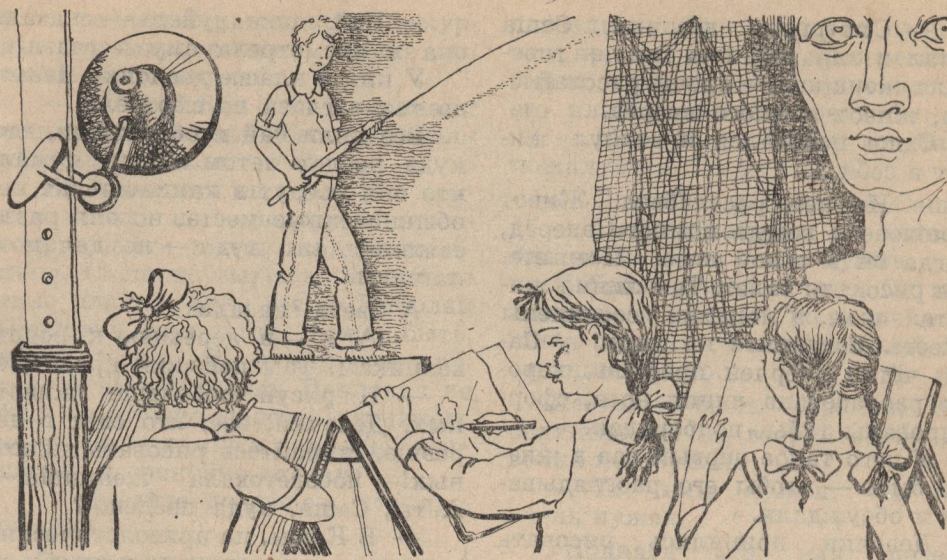
Саша тоже любил ходить следом за поливальной машиной. Воздух рядом с ней становился прозрачным, серебристым, а от луж с асфальта поднимался тёплый пар.

— Сходим в Русский музей?

— Я тоже с вами, — вдруг проговорил Саша, хотя Света спрашивала не его, а подругу.

Они шли мимо коней на Аничковом мосту.

— Смотри, видишь надпись: «Отливал барон Клодт», — сказала Света. — Клодт этой надписью очень гордился. В литейное дело шли крепостные, и вдруг барон сам захотел стать подмастерьем, а потом выучился на мастера. И лично отливал коней. А когда у него в работе был памятник Крылову, — помнишь, сколько там зверей, — многие эти звери жили у него дома и сильно его любили.

«У нас в классе ни одна девочка такого не знает!» — подумал Саша.

В Русском музее Света сразу же повела их в ближний, правый зал.

— Смотри, это посмертный портрет Петра Великого, — сказала она. — Никитин, автор портрета, любил Петра и сильно переживал, когда царь заболел. И вдруг однажды, поздно вечером, к нему приехали и объявили, что Пётр умер и надо немедленно ехать и рисовать его последний портрет. А готового холста в мастерской у Никитина не было. Он схватил почти законченный портрет какой-то дамы и помчался к любимому царю. Плакал и прямо по портрету дамы писал новый — портрет мёртвого царя. Видишь, тут чуть-чуть красное просвечивает — это пла-

тье дамы. Об этом двести лет никто не знал, а недавно — есть такая исследовательница — Римская-Корсакова, она посоветовала просветить холст рентгеновскими лучами, и все увидели — под портретом Петра другой, готовый портрет — женский.

Так она ходила с Сашей и с толстой подругой и рассказывала об истории каждой картины в том небольшом зале. Саша ничего такого в жизни никогда не слышал о живописи.

— А это тоже очень хороший художник, Вишняков. Про его биографию совсем недавно узнали. А он при Елизавете расписал все главные дворцы. — Света посмотрела в другой зал и обрадовалась: — Бежим туда, в тот маленький зальчик, он почти всегда закрыт, а сегодня, видите, двери распахнуты.

Они прошли мимо роскошных старинных дверей, отделанных золотом. В маленьком зальчике висели всего четыре портрета.

— Автора этих работ даже неизвестно, как и зовут, хотя ему посвятили отдельный зал. Внизу написано: «Мастер портрета», и всё. Это моя самая любимая картина. — Света подвела их к портрету девочки. Девочка была одета во взрослое длинное платье, а в руках

держала куклу. Вид у неё был одновременно и любопытный и испуганный, а глаза словно светились — такие они были живые. Картина называлась «Портрет неизвестной девочки».

— Он знал особую тайну, как писать глаза, чтобы через них светила душа, — сказала Света, — так написано в книгах. Некоторым художникам казалось, что они раскрыли секрет его мазка, но им не удавалось даже просто скопировать эти картины.

На другой стене были портреты мужчины и женщины, на третьей — снова та же девочка, только постарше.

— Многие говорят, что это — лучшие портреты в русской живописи первой трети прошлого века. И видно, что мастер побывал в Италии, потому что вот: девочка стоит на балконе на фоне венецианского канала. Многие так и говорят, что в его портретах соединено мастерство знаменитого итальянца Беллини и великих русских иконописцев.

— И никто не знает фамилии? — удивился Саша.

— Вообще ничего не знают. Портреты есть, а про человека ничего неизвестно. Знают только, что картины подарил какой-то русский — то ли граф, то ли князь, — который приехал из Италии.

Они ещё походили по залам, а Света всё останавливалась у разных любимых своих картин.

Когда снова шли по Невскому из музея, Света спросила:

— Придёшь завтра в десять снова позировать?

Саша кивнул, и они разошлись в разные стороны, потому что Саша направился наконец в библиотеку.

На другой день рано утром он сходил в парикмахерскую.

Костюм он тоже надел новый, он в нём лишь дважды ходил в Театр юных зрителей. Таким и явился ровно в десять в рисовальные классы.

— Зря так оделся, мы хотели рисовать фигуру «драчун», — сказала учительница. — Правда, у тебя вид всё равно не драчливый. Девочки, будем рисовать мальчика с книжкой.

Саша три часа сидел на стуле с книгой в руках. Это был альбом старинной живописи, и он несколько раз весь его просмотрел.

У Светы и в этот раз получалось лучше всех. Учительница так и сказала:

— Умница, Гаврилова!

И Саша вздрогнул — ведь его фамилия тоже была «Гаврилов».

А потом, во время перерыва, Света налила ему чай первому и, как вчера, принесла печенье на красивом блюде.

А в те моменты, когда она смотрела на него, рисуя, ему даже страшно становилось — Саше казалось, что все чувствуют, каким особенным взглядом она на него смотрит.

— Девочки, заканчиваем! — объявила учительница. — Ты, Саша, свободен, спасибо тебе большое. Если хочешь, приходи в начале сентября, натурщики нам нужны. Девочки, Саша уходит, а мы остаёмся подводить итоги.

А через день он ехал на поезде в Новгород вместе с отцовским сослуживцем. Отцовский сослуживец, толстый человек с большой лысиной и добрым лицом, походил на знаменитого актёра Леонова. И что смешно — его фамилия была тоже Леонов. Сейчас он ехал в командировку на новгородский завод.

— На вокзале Сашу моя сестра встретит, — говорил, прощаясь, отец, когда все стояли у вагона, — или её сын, мой племянник. А через две недели — вместе назад.

У Саши был зелёный рюкзак с разными городскими продуктами и старый, затёртый отцовский портфель. В портфеле лежала тетрадь для научных записей, книги, которые Саша взял в библиотеке, и ещё одна — толстая, изданная в

прошлом веке, её накануне принёс Николай Павлович — «Херсонесские древности».

Леонов сидел у окошка напротив Саши, вытирал лысину носовым платком и листал журналы, их он захватил с собой целую пачку. Потом он сложил журналы наверх, на полочку, а сам задремал.

Саша смотрел в окно — на деревни, поля, леса, овраги... Ещё вчера ехать в деревню, хотя и к родственникам, не очень-то ему и хотелось. Он любил городскую жизнь. В городе всегда происходит много интересного — не заскучаешь. А деревенской жизни он не знал вовсе, да и знать особенно не стремился. Но сейчас, когда увидел дома, стоящие над речкой с крутым песчаным берегом, ребят, купающихся на другом берегу, стало ему неожиданно радостно.

Он оторвался от окна и только снова взялся за свои «Херсонесские древности», как на него с верхней полки полетели леоновские журналы. Леонов не проснулся. Саша собрал их с пола и прочитал в одном из журналов, что в Италии при продаже старинной виллы нашли на чердаке много картин, и на всех картинах была нарисована одна и та же молодая женщина, только одетая по-разному и в разных помещениях. Итальянские специалисты, которые изучали картины, предположили, что их писал русский художник. После окончательного изучения картины поступят в художественные музеи.

Саша взглянул на фотографию с картины, но та была испачкана пепси-колой — лица было не разобрать.

Журнал снова напомнил ему про Свету и про их поход в Русский музей.

Саша представлял почему-то, что его встретят на лошади. В старых книгах, которые он читал, в деревне так и встречали.

— Пошли к мотоциклу, — сказал двоюродный брат Михаил, когда они попрощались с Леоновым.

Они подошли к пропылённому мотоциклу, Михаил прикрепил к багажнику рюкзак с продуктами, в коляску посадил Сашу, сунул в руки ему портфель с научными книгами, и они рванули вперёд по асфальтовому шоссе, обгоняя тяжёлые «КамАЗы», междугородные «Икарусы» и разные легковые машины.

— Не страшно? — прокричал Михаил.

— Нет! — Саша постарался ответить веселей, хоть и было ему страшно.

Когда они проезжали мимо большого зелёного поля, Михаил снова крикнул:

— Я поднимаю!

Наконец свернули на обычную грунтовую дорогу и поехали тише. Навстречу, волоча за собой тучу пыли, попался автобус. Из автобуса замахали руками ребята.

— Наши, деревенские, — объяснил Михаил, — ты — сюда, они — туда. На экскурсию в Ленинград. Ты не обижайся, я тебя к дому подвезу и оставляю. Я на тракторе со своей бригадой шесть совхозов обслуживаю. Так что, сам понимаешь, сейчас мы в другом конце района работу гоним. Я тебя высажу, в дом введу, ты отдохнёшь, поешь, а вечером мать придёт с работы.

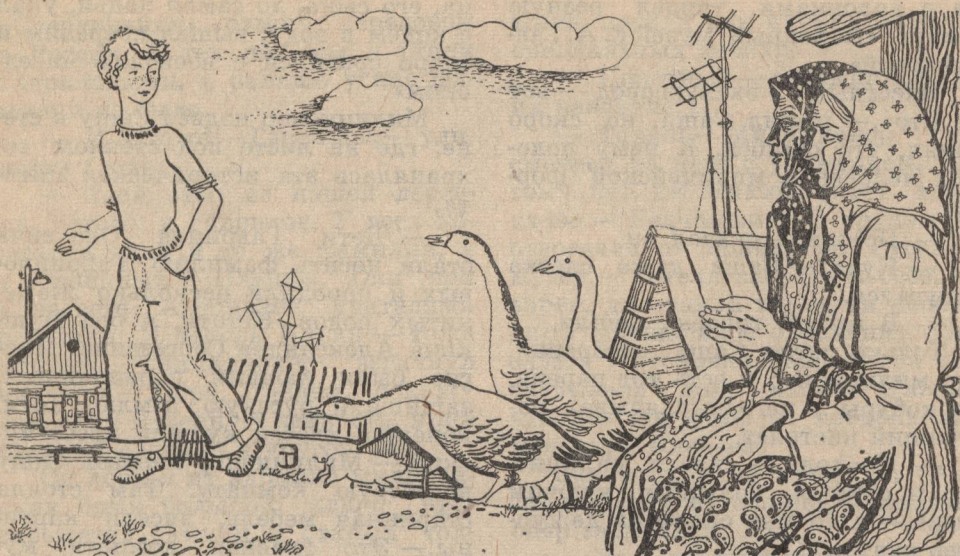
— Я не устал, — сказал Саша.

— Ты, главное, у нас воздухом дыши. У нас, говорят, микроклимат замечательный. Короче, отдыхай.

И вот показалась деревня Гаврилово. На трёх холмах. На одном холме — белое здание с колокольней, на другом — дом старинный, с колоннами, на третьем — длинном холме — сама деревня, деревянные избы.

Изба Михаила стояла посередине.

— Петуха над трубой ещё отец делал,— сказал Михаил,— по петуху и отличай, если заблудишься.

Он внёс Сашин рюкзак, поставил его рядом с широченной русской печью. Показал в комнате огромную кровать с башней подушек.

— Здесь и отдыхай. Сейчас электроплитку включим, согреем чай, я и поеду.

Через полчаса он уже мчался на мотоцикле по пыльной дороге, а Саша остался один дышать здоровым деревенским воздухом.

Дома стояли на крутом берегу. О берег тёрлась волна, и ветер гнал по ней зыбь. По реке в байдарках плыли туристы.

— Парень, это деревня Гаврилкино?— крикнули они издалека.

— Гаврилово!— отозвался Саша и потихоньку пошёл по деревенской улице вниз с одного длинного холма к другому холму, где стоял старинный дом с колоннами.

Улица была чистая, на земле росла невысокая трава, в глубокой луже купались утята, а рядом ходила стая гусей, и один гусь пригляделся Сашу разглядывать.

«Не клюнул бы»,— подумал Саша и обошёл их стороной.

На скамейке около избы сидели две старушки, и Саша, как учил отец, с ними поздоровался.

Старушки закивали.

— Сашка из Ленинграда, Михаил привёз,— сказала одна.

— Евдокия вчера переживала, а ну Михаил не встретит?— сказала вторая.

Не успел Саша удивиться, что его тут узнали, как вдруг с холма, от старинного дома ему крикнули:

— Александр! Давай-ка иди быстрее!

Под деревом стоял парень в тренировочных штанах и майке.

— Вы меня?— спросил Саша на всякий случай.

— Тебя. Кого же ещё. Ты один Александр. Как доехал? Чаю попил?

— Попил,— ответил растерянно Саша.

— Неудачно приехал — твои ровесники на экскурсии. Одни дачники да старушки с малышатами. Пойдём, музей покажу. Минуту подожди, я переоденусь, а то в майке в музей — некультурно.

Он исчез в избе, стоявшей поблизости, а Саша подумал: «Какой ещё музей!» И тут же на до-

ме с колоннами увидел резную доску: «Народный музей Е. А. Гаврииловой».

«Местный экскурсовод — вот он кто», — решил Саша, но скоро понял, что ошибся. К нему подошёл человек в милицейской форме.

— Пошли, — сказал он.

— Куда? — Саша даже слегка испугался.

— В музей, говорю, пошли.

Только тогда Саша сообразил, что милиционер и есть тот парень. Из кобуры у него выглядывал настоящий пистолет.

— Проходи, — сказал милиционер и открыл большим ключом дверь, — а то мне скоро на дежурство ехать.

Саша двинулся за ним следом по широким крашеным половицам.

— Дому почти два века. Дом — типичный, помещичий. Ты вообще-то к музейному делу как относишься?

— Хорошо, — ответил Саша.

— Молодец! — похвалил милиционер. — Я тоже уважаю. Мы с Ильиным, пока музей собирали, академиками сделались.

И он стал рассказывать историю рода князей Гаврииловых, которым принадлежал дом, а с ним и деревня.

Первый Гавриилов Гаврииловым ещё не был, но был он воином и участником битв Александра Невского. Вот как писал о нём историк Карамзин, изучавший древние рукописи:

«Король шведский послал зятя своего Биргера на ладьях в Неву, к устью Ижоры, с великим числом шведов, норвежцев и финнов. Сей вождь опытный, дотоле счастливый, думал завоевать Ладогу, самый Новгород и велел надменно сказать Александру: „Ратоборствуй со мной, если смеешь; я стою уже в земле твоей“».

Князь и дружина оказали редкое мужество. Александр собственным копьём возложил печать на лицо Биргера. Витязь российский Гавриил Олексич гнал прин-

ца, его сына, до самой ладьи, упал с конём в воду, вышел невредим и бодро сразился с воеводою шведским».

Милиционер подвёл Сашу к стене, где на листе под стеклом сохранялась эта историческая цитата.

— Дети Гавриила Олексича стали носить фамилию Гаврииловых и породили несколько знаменитых родов. Кстати, и род Пушкина Александра Сергеевича. Многие были людьми порядочными, защищали русскую землю, хотя, конечно, хлебец кушали крестьянский. — Милиционер перевёл Сашу во вторую комнату. Там стояла старинная мебель, висели картины. — Это главная комната музея, — сказал он. — Сам дом строился при князе Антоне Павловиче Гавриилове. А вот портрет Елизаветы Антоновны, его дочери. Ей наш музей и посвящён.

Саша посмотрел на портрет, и показалось ему, что где-то он недавно видел эту девушку в белом платье, стоящую около белой лошади. Он мог уверенно сказать, что видел её совсем недавно, но где — было не вспомнить.

А милиционер опять заговорил голосом музейного экскурсовода:

— Елизавета Антоновна, чтоб ты знал, известная общественная деятельница. Она основала первую школу для крестьянских детей. И переписывалась с передовыми людьми России. Стихотворение на стене декабрист Пушкин, друг Пушкина, ей написал: «Приветствую тебя в твоём уединении». Этот портрет притягивает многих зрителей. У нас тут был один художник, он сказал, что в нём наверняка скрыта какая-то тайна.

Саша слушал и снова смотрел на картину, и снова пытался вспомнить, где он видел недавно такую же девушку.

— У нас и в прошлом веке все Гаврииловы были грамотными, — продолжал милиционер. — Потому что учились у неё в школе. И статьи она печатала в журнале

«Современник», самом передовом в России. С тех пор мы и стали Гавриловыми, а раньше у нас фамилий не было.

— И я тоже — Гаврилов, — удивился Саша.

— Твой отец из нашей деревни, потому и Гаврилов. У всех коренных одна и та же фамилия, а у пришлых — Ильины. Они при Елизавете Антоновне учителями работали. И теперь Ильин — тоже учитель. — Милиционер взглянул на часы. — Пора. Пойдём, покажу ещё одну музейную ценность, а последний отдел — в другой раз.

Он достал из кармана милицеских брюк большой ключ, проскрежетал замком и открыл толстую деревянную дверь. Здесь, в узкой каморке на стене напротив окна висели две небольшие картины. Они были похожи на иконы, но лишь похожи — Николай Павлович как раз зимой объяснял Саше, что первые русские портреты вышли из иконописцев. И пор-

треты писали как иконы. Даже на специальных досках.

— Парсуны? — вспомнил Саша их название.

— Точно! — Милиционер посмотрел на него с уважением, потому что не всякий знает такое слово. — Редчайшие! С трудом их отвозили от ваших, из Русского музея, — хотели забрать к себе, говорят, для такой ценности необходимо специальное охранение. Елизавета Антоновна Гаврилова рассказывала деду нашего Ильина, что это портреты её предков времён царя Алексея.

Они вышли на крыльцо, Саша зажмурился от солнца, а милиционер засмеялся:

— Вот и художница к нам идёт.

По улице с холма напротив спускалась Света.

С этюдником через плечо, в лёгком сарафанчике она шла к ним и удивлённо смотрела на Сашу.

(Продолжение следует)

Юлия ЛАРИОНОВА

РЮКЗАК ПОСПЕЛ

О чём хлопочу? О хорошей погоде!
Растут рюкзаки у меня в огороде.
Я долго следил за одним рюкзаком —
Вчера на нём вырос карман с ремешком,
А завтра он выбросит наверняка
Две длинные ляжки — два новых листка!

Смелее, рюкзак! Я сорву тебя с грядки,
Наброшу на плечи, скажу: «Всё в порядке!»
Давно я мечтал о далёком походе,
Ты понял — и вырос в моём огороде!»

Рис. Ю. Бочкарёва

Василий ОСТРОВСКИЙ

Рис. О. Филипенко

Монферран

ВЫШЕ ВСЕХ В МИРЕ

Мысль поставить памятник, достойный победы в Отечественной войне 1812 года, появилась ещё в те славные дни, когда русские войска вступили в Париж. Полтора десятилетия спустя царь Николай I поручил Монферрану представить проект будущего памятника.

И зачастил зодчий с Исаакиевской площади на Дворцовую: подумать, прикинуть, примериться. Непросто было ему подступиться к созданию памятника в честь победителей над армией Наполеона: ведь когда-то и он, Огюст Монферран, в молодости служил в его армии. Правда, в походе на Россию не участвовал, но за отвагу в сражении при Арно был награждён орденом Почётного легиона.

Но — прочь былое, долой воспоминания! Сегодня он служит России, и Зимний дворец ждёт от него памятник.

Каким должен быть памятник?

Любые прикидки приводили к одной-единственной мысли: «...на такой большой площади всякий скульптурный монумент недостаточен, покажется мал, если он не колоссален»! На память приходили колонны древности. Мысль упрямо возвращалась именно к ним — к колоннам. Да и могло ли быть иначе, если неподалёку стоял целый лес гранитных стволов — будущих портиков Исаакиевского собора!.. За ними уже начинали выкладывать стены.

Колонна! Обелиск! Именно так! И непременно — колбсс! Выше Помпеевской колонны в Александрии! Выше колонн Антонина и Траяна в Риме! Выше всех в мире! И не из кубиков собранный, а монолитный — из единого камня!

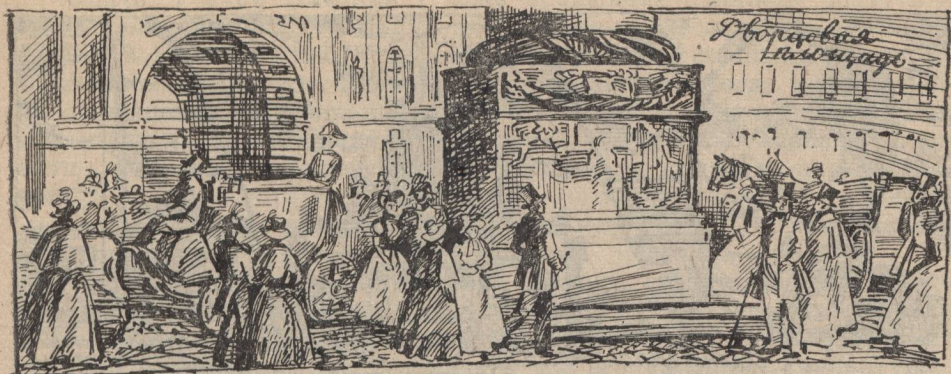
Нарисовалось снова удачно. 24 сентября 1829 года проект колонны, получившей название Александровской (в честь царя Александра I), был утверждён. Монферран был назначен её строителем.

Где взять камень, Монферран уже знал: в Финляндии, на острове Летсарме. Правда, там не было уже артельщика Самсона Суханова, выломавшего из скал колонны Исаакия, но его преемник, самоучка Василий Яковлев тоже сумел отколоть от скалы гранитную глыбу весом более двухсот тысяч пудов, длиною под тридцать да толщиной около семи метров.

Как доставляли её в Петербург да обрабатывали — это целая отдельная история. Но, так или иначе, наступил день 30 августа 1832

Окончание. Начало в Искорке № 7.

года, и, извещая петербуржцев о празднике, с Нарышкинского бастиона ударила пушка.

Сам Монферран так вспоминал об этом дне: «Улицы, ведущие к Дворцовой площади, Адмиралтейству и Сенату, были сплошь запружены публикой, привлечённой новизной столь необычного зрелища. Толпа возросла вскоре до таких пределов, что кони, кареты и люди смешались в одно целое. Дома были заполнены людьми до самых крыш. Не оставалось свободным ни одного окна, ни одного выступа, так велик был интерес к памятнику. Полукруглое здание Главного штаба, напоминавшего в этот день амфитеатры Древнего Рима,местило более 10 000 человек».

Поставить колонну на пьедестал было доверено двум тысячам ветеранов русской армии, сражавшимся с войсками Наполеона, и четырёмстам строителям. Установка колонны была рассчитана с такой точностью, так хорошо организована, что заняла ровно сто минут.

За создание колонны Монферран был посвящён в кавалеры ордена Святого Владимира третьей степени с получением пенсии в пять тысяч рублей и награждён ещё ста тысячами рублей.

НЕ ПОСПЕШАЯ, НО НА ВЕКА

Тем временем строительство Исаакиевского собора продолжалось. Его мраморные стены уже накрыла медная крыша.

Служители церкви обдумывали, какие чудотворные иконы поместят они в будущем соборе, а в соборе совершались другие чудеса — рукотворные. Совершались замыслом архитектора и руками тысяч мастеровых.

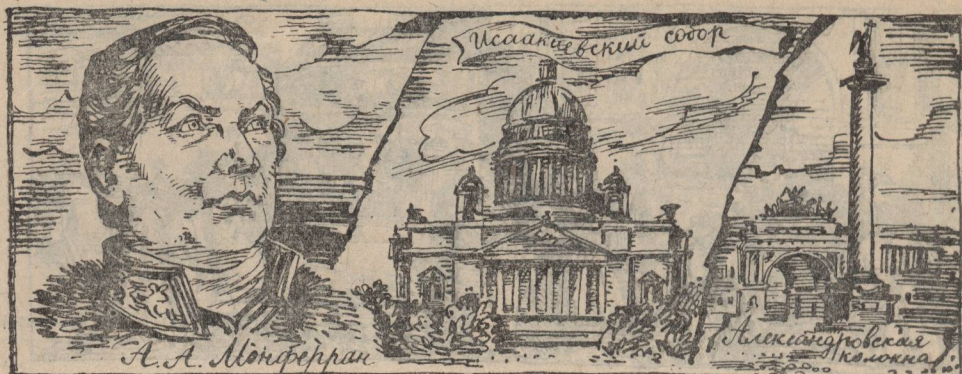
Таких чудес у собора немало.

К примеру. Сможете вы сдвинуть с места глыбу весом в десять тонн? Я за вас отвечу: сможете! Для этого надо только подойти к любой из дверей Исаакиевского собора и толкнуть створку рукой.

Она вам легко поддастся, несмотря на огромную тяжесть.

Или купол собора — разве не чудо? Это снаружи не видно, но изнутри можно разглядеть, что куполов-то, по сути дела, — три! Внизу, опираясь своими чугунными рёбрами на колоннаду, стоит сферический купол; «на плечи ему», поддерживая фонарь собора, взгромоздился второй купол — конический; и уже над ними обоими, покрывая своих чугунно-железных собратьев листами золочённой меди, находится третий — параболический. Не раз, не два забирался я на самую верхушку собора, преодолевал 562 ступеньки гранитных и металлических лестниц, разглядывал переплетения железных конструк-

ций и даже не подозревал, что пустоты между фермами заполнены горшками. Обыкновенными пустыми гончарными горшками. Их там, оказывается, около ста десяти тысяч штук... Строители собора их так и называли: «гончарами». Лежат они в куполах не просто так — они берегут в здании тепло и звук.

Разумеется, всё это не один Монферран придумал. С годами, наученный горьким опытом споров, он стал поосмотрительней, не всё подряд отвергал, прислушивался, разумное отбирал. Математические расчёты конструкций купола, к примеру, помогал ему выполнить инженер П. Ломновский. Прочность металлических рёбер вычисляли опытный инженер заводчик Берд и главный механик его завода Хенденсид. Как укладывать «гончары» — прикидывал подрядчик Зайцев. Колокола отливал валдайский мастер Стуколкин. Поднимал их крестьянин Вирячев. А знаете, что это за колокола? Только язык одного из них весил 58 пудов. Чтобы раскатать его, требовались восемь человек!

Покуда собор строился, наука тоже не топталась на месте. К примеру, оченьгодились Монферрану труды петербургского учёного Бориса Семёновича Якоби. Якоби изобрёл не только первый в мире электродвигатель, не только пустил по Неве лодку, которую двигало электричество, не только проложил первую в стране телеграфную линию между Петербургом и Царским Селом, но и опубликовал в 1838 году результаты своих опытов о получении оттисков с металлов с помощью гальванопластики. Электричество пришло на помощь скульпторам и позволило отливать статуи из тонкой меди, полые внутри. Впервые это изобретение опробовали на скульптурах Исаакия. Поднимать их на большую высоту было легко, смотрелись они великолепно, а что касается прочности — так до сих пор стоят!

К трудовому люду — многочисленным плотникам, каменщикам, позолотчикам, литейщикам, столярам — Монферран стал относиться иначе. Убедился, что не лыком они шиты. Писал: «Русские рабочие честны, мужественны и терпеливы. Одарённые необыкновенным умом... отличаются они добротой и простодушием, кои очень располагают к ним... Смелые по природе, они особенно любят опасную работу. Искусные в своём ремесле, они часто оказываются виртуозами..., исполняют самые сложные и трудные работы с удивительной точностью».

Поняв это, Монферран уже не сторонился простого люда. И даже когда в городе вспыхнула эпидемия холеры и вокруг забора, окружавшего стройку, поставили часовых, а умерших не выносили на кладбище, но здесь же бросали в яму с известью и закапывали, Монферран всё равно приходил к строящемуся собору каждый день.

Кстати, у царя Николая I тоже произошла однажды встреча со строителями собора. Случилось это в первый же день его царствования — 14 декабря 1825 года, когда на Сенатской площади стояли ряды восставших полков. Новый император записал тогда в своём дневнике: «Выехал на площадь, желая осмотреть, не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче... В это время сделали по мне залп... Рабочие Исаакиевского собора начали кидать в нас поленьями».

Полиция потом пыталась выяснить: кто кидал? Да так никого и не нашла.

...На украшение главного собора столицы средств не жалели. Старые путеводители по Петербургу сообщают, что на его строительство было затрачено 23 миллиона рублей. И действительно, у собора было столько украшений, что разглядеть все его картины, скульптуры и рельефы потребуется время немалое. Нам сейчас не очень понятны сюжеты многих картин и скульптурных вставок — они созданы на библейские темы, герои многих пришли из легенд и мифов... Но то, что всё выполнено с великолепным мастерством, — это любому человеку видно.

Конечно, рисовальщик Монферран руку свою тут приложил! Но в то же время он понимал, что картинка — ещё не картина, скульптура — не рисунок карандашом. Поэтому в украшении собора ему принадлежит только общий проект убранства. Сами же украшения создавали скульпторы — П. Клодт, А. Логановский, Н. Пименов, Н. Рамазанов, И. Витали, Ф. Толстой; живописцы — К. Брюллов, Ф. Бруни, П. Басин, В. Шебуев, Н. Никитин...

Живописные картины в соборе чередуются с мозаичными. Набранные из смальт — небольших кубиков сплавов стекла с металлом, — они предназначены жить вечно. И знаете, сколько оттенков имеют смальты этих картин? Ни много ни мало — двенадцать тысяч! Мозаичных же картин в соборе — 62.

И ещё, оказывается, если внимательно изучить украшения Исаакиевского собора, можно найти и изображение самого Монферрана. Приглядитесь внимательно к фронтому западного портика: в самом левом углу его вы увидите полулежащую фигуру человека, который облачён в римскую тогу, а в руке он держит небольшую модель... Исаакиевского собора. Да, скульптор Витали изобразил на фронтоне зодчего Монферрана! Кстати, и лица вельмож Сатурина и Виктора, стоящих возле императора Феодосия Флавия, не что иное, как портреты князя П. Волконского, ведавшего деньгами, отпускаемыми на строительство, и тогдашнего президента Академии художеств А. Оленина, наблюдавшего за работой живописцев, скульпторов и мозаичистов.

ПОСТРОИЛИ НАКОНЕЦ!

Четыреста тысяч человек возводили собор по камешку. Пересчитать по-военному — так это несколько армий! И у всего строительного воинства был один полководец — Монферран. Он и характер имел воинственный, уступать никому ни в чём не любил.

Но умер Николай I, на престол взошёл новый император, Александр II, а он милостью своей архитектора жаловать не соизволил...

Об их отношениях существует нечто вроде легенды. К концу жизни Монферран очень уж уверовал в свою силу, славу и величие. А посему позволил себе отпустить усы. Однако ношение усов было в те времена привилегией военных. Монферран к таковым не принадле-

жал. Придворный зодчий был личностью партикулярной... И подвели его усы! Александр II, увидев на лице Монферрана не положенные ему усы, разгневался и устроил зодчему публичный нагоняй. Мало того — даже в памятный день, 3 мая 1858 года, когда освящался Исаакиевский собор, царь не скрыл своего недружелюбия к его создателю. Говорят, что зодчему тут же сделалось дурно и его отвезли домой. Он слёг и более не поднимался с постели.

Есть сведения и иного порядка, говорящие о том, что Монферран умер от воспаления лёгких, медленно угасая. Последние дни он провёл, не покидая стен своего дома, находящегося рядом с собором (нынешний адрес — Мойка, 86). Почти четверть века прожил он здесь среди чертежей и книг.

К концу жизни имя Монферрана уже имело мировую известность. Он был не только почётным вольным общником императорской Академии художеств в России, но и Римская, Флорентийская академии избрали его своим почётным членом. В завещании своём Монфер-

---

В этом году исполнилось 100 лет со времени проведения первого матча на первенство мира по шахматам и 150 — со дня рождения Вильгельма Стейница — первого чемпиона мира.

Как помолодели шахматы! Стейниц завоевал мировую корону в 50 лет, а Гарри Каспаров стал чемпионом в 22 года — он самый юный шахматный король за всю историю древней игры.

28 июля 1986 года в Лондоне начался матч-реванш на первенство мира между советскими гроссмейстерами Гарри Каспаровым и Анатолием Карповым. Первая половина матча — 12 партий — пройдёт в столице Англии, а вторая — в нашем городе, в концертном зале «Ленинград». Победителем станет участник, одержавший 6 побед или набравший 12½ очка. При счёте 12:12 Г. Каспаров сохраняет звание чемпиона мира.

Владимир ФЁДОРОВ

мастер спорта

Ленинград ждёт шахматных королей

У Каспарова и Карпова много общего: рано, в 4—5 лет, начали они играть в шахматы, легко преодолевали ступеньки квалификационной шахматной лестницы, были чемпионами мира среди юношей, отлично учились и окончили школу с золотой медалью. Очень много обоим дали

занятия под руководством М. М. Ботвинника — первого советского чемпиона мира, крупнейшего знатока шахмат, доктора технических наук, профессора. Оба наши выдающиеся гроссмейстеры обладают по-настоящему спортивным характером — не любят проигрывать.

ран написал: «Дерзаю ещё просить его императорское величество о всемилостивейшем соизволении, дабы тело моё было погребено в одном из подземных сводов означенной церкви, построение коей мне было вверено». В просьбе не было ничего удивительного: многие архитекторы Европы покоились под сводами построенных ими соборов. К примеру, строитель собора Святого Павла в Лондоне — Кристофер Рен. На плите его могилы в соборе высечена надпись: «Если ты ищешь памятник — взгляни вокруг». Монферран знал об этом и просил того же.

Но когда он умер 28 июня 1858 года в возрасте семидесяти двух лет, «всемилоостивейшего соизволения» на захоронение в соборе не последовало. Тело зодчего было отвезено в Париж, и сейчас никто не знает, где находится его могила.

И всё же умел Монферран смотреть в будущее! На своём гербе он начертал девиз: «Не весь умру». И — остался. Живёт сегодня в своих трудах. Огромным памятником — Александровской колонной. Ещё более огромным Исаакиевским собором. Памятниками, украсившими наш город.

На чемпионате мира

Фото В. Левитина

Перед матч-реваншем Каспаров и Карпов провели огромную исследовательскую работу в «кабинетной тиши» — искали новые идеи, варианты, наиболее неприятные для партнёра. И свою практическую готовность к ответственному поединку каждый из них проверил. Гарри Каспаров сыграл небольшой тренировочный матч из шести партий с Энтони Майлсом — опытным и сильным гроссмейстером, побеждавшим в своё время в юношеском чемпионате мира. Анатолий Карпов, готовясь к матчу, победил в двух

сильных по составу участников международных турнирах в Брюсселе (Бельгия) и Бугойно (Югославия). Так что оба гроссмейстера подошли к матчу в прекрасной спортивной форме.

Но естественно, что у Карпова и Каспарова есть свои особенности. И это прекрасно. Ведь именно борьба во многом противоположных по характеру и творческим взглядам шахматных бойцов и придаёт поединкам между ними особый интерес.

Гарри Каспаров

Он играет остро, темпераментно, иногда даже азартно, в его партиях часто встречаются смелые жертвы пешек и фигур за инициативу или атаку.

Немалую роль в победе Каспарова над Карповым сыграла его отличная спортивная форма, великолепная физическая восстанавливаемость. Конечно, эти важные качества не приобрести без регулярных занятий спортом. Об этом я и попросил рассказать его тренера по общей физической подготовке Н. Е. Григорьяна.

— Твёрдо убежден, — сказал Григорьян, — что сегодня нет шахматиста более выносливого и гармонично развитого. В период подготовки к соревнованиям мы тренируемся два раза в день — два часа утром и два вечером. Ежедневно он пробегает 6—8 километров. Результаты Каспарова в лёгкой атлетике таковы: 60 метров пробегает за 7,1—7,2 секунды, 100 метров — за 12,2—12,3 секунды, ядро толкает на 10 метров, в длину прыгает под 6 метров, а тройным — 10 метров, в прыжке с места достаёт руками баскетбольный щит. Гарри плавает всеми стили-

ми и преодолевает за тренировку 2—3 километра, прекрасно ездит на велосипеде и достигает на своём «Пежо» — подарке французских шахматистов — скорости 45 километров в час. С удовольствием играет в настольный и большой теннис, бадминтон и, конечно, футбол, который любит до фанатизма и готов выйти на поле в любое время дня и ночи. Во время соревнований он совершает ежедневные длительные прогулки на свежем воздухе. День у Каспарова расписан по минутам, начиная с ежедневного подъёма в 8 часов утра. В целом хотел бы отметить его необыкновенную работоспособность и целеустремлённость, но вообще Гарик обладает южным темпераментом, весь соткан из эмоций, и его показатели могут быть выше или ниже в зависимости от настроения.

Из рассказа тренера чемпиона мира видно, какое огромное значение придаёт Каспаров своей физической форме. А вот что рассказал мне о тринадцатом чемпионе мира редактор бакинской газеты «Шахматы» видный учёный-физик, профессор А. Х. Зейналлы:

— Каспаров очень талантлив, обладает великолепной памятью. Он, например, не пользуется телефонной книжкой и помнит сотни телефонов. Он ещё и фантастически трудолюбив: в последнем матче с Анатолием Карповым он применил множество дебютных новинок, подготовленных в домашней лаборатории. С самого раннего детства он привык целые тетради посвящать анализу сыгранных партий. Гарри способный журналист, постоянный сотрудник бакинской газеты «Шахматы». Язык его статей яркий, образный. Написал он и несколько прекрасных шахматных книг...

Совсем недавно Каспаров успешно закончил Азербайджанский педагогический институт иностранных языков.

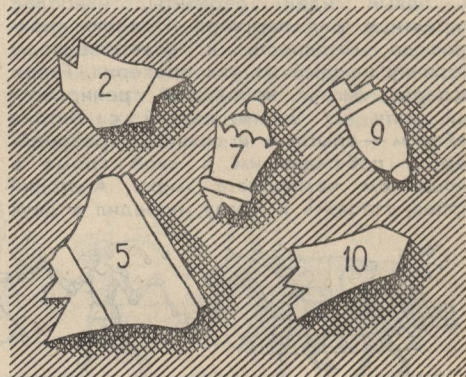

Рис. Д. Майстренко
Текст Ю. Букова

Сложи фигуры.

С доски упали шахматные фигуры и разбились. Определи какие это фигуры и сколько их было?

Два „альф-узла“

Анатолий Карпов

Опытнейший борец, победитель около шестидесяти турниров и матчей, на протяжении десяти лет — сильнейший шахматист планеты.

Карпов обладает удивительным спокойствием, выдержкой, хладнокровием, объективностью. Эти черты присущи ему и в жизни, и в шахматной борьбе. У него тонкое позиционное чутьё, исключительная логика, он виртуозно разыгрывает эндшпиль — окончание шахматной партии.

Очень многое связывает Анатолия Карпова с Ленинградом.

Карпов учился на экономическом факультете университета имени А. А. Жданова и успешно закончил его. В город на Неве он приехал чемпионом мира среди юношей — шахматным принцем, а уже живя здесь, стал гроссмейстером, затем шахматным королём — двенадцатым в истории шахмат. Ленинградцем был и его тренер С. А. Фурман — крупный теоретик, опытный гроссмейстер, добрый и чуткий человек. Он стал для Анатолия другом, наставником, советчиком.

Фурман писал: «Да, природа не одарила Карпова богатырским сложением,

зато наградила его редким шахматным дарованием и силой духа. И ещё трудолюбием и скромностью. Когда я начал заниматься с Карповым, то сразу понял, что он очень способный шахматист с большими перспективами. И я не ошибся...

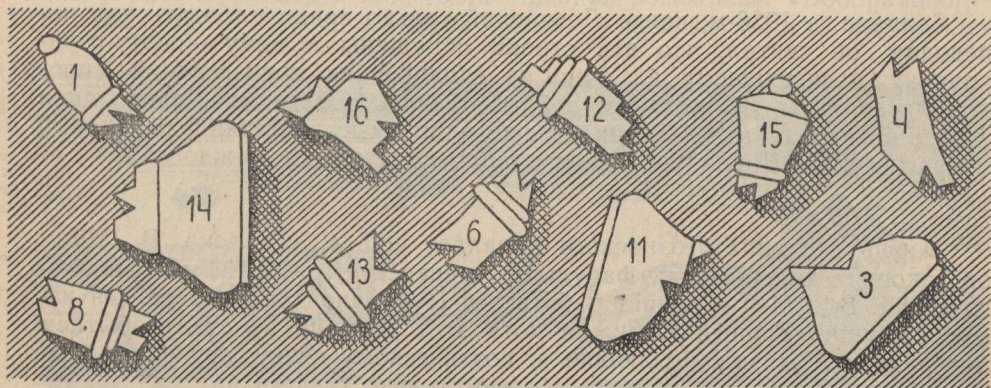
Не раз мне приходилось помогать крупным шахматистам, но никогда я не получал такого удовольствия от совместных занятий, как с Карповым. Дело, разумеется, и в том, что другие были уже сложившимися гроссмейстерами и я не мог существенно повлиять на их развитие. С Толей же совсем другое дело — он рос на моих глазах, мы вместе трудились и старались избавляться от недостатков». С горечью скажет А. Карпов после смерти любимого тренера: «Фурман создавал планы. После него мы остались в пустыне».

А. Карпов — главный редактор журнала «64» — одного из лучших шахматных изданий. А в свободное время у Анатолия много увлечений. С детства он заядлый коллекционер. Собирал этикетки от спичечных коробок, потом — марки. Экс-чемпион мира Тигран Петросян рассказывал:

— Общение с Карповым, увлечённым и эрудированным собирателем, поколебало мою непричастность к этому хобби. Во всяком случае, вернувшись из Сан-Антонио, я стал считать имеющиеся у меня марки коллекцией и, кажется, впервые назвал несколько марок, купленных для друзей, дубликатами...

Карпов, для которого марки — давняя страсть, знает о них буквально всё, его коллекция насчитывает десятки тысяч экземпляров.

Немало времени уделяет Анатолий физической подготовке. Он с удовольствием играет в большой теннис, ходит на лыжах, плавает.

«Здравствуй, дорогая „Искорка“! Мне 14 лет, и я уже пять лет постоянно читаю твой журнал. А теперь о том, что заставило меня обратиться к тебе. Если у меня хватит силы воли на серьёзное изучение английского языка, то я надеюсь поступить в Ленинградский университет на филологический факультет. Я хочу стать переводчиком...»

Ученица Бокситогорской средней школы № 1

Татьяна Морячка

Танино письмо заставило нас задуматься. И мы решили нарушить правила рубрики «Искорку спрашивают — Искорка отвечает» и ответить Тане не письмом, а большим очерком о замечательном советском поэте-переводчике ленинградце, лауреате Государственной премии Михаиле Лозинском, для которого деятельность переводчика была и жизнью, и судьбой. В июле этого года исполнилось 100 лет со дня его рождения.

О. КУСТОВА

ВЕРНОСТЬ

К 100-летию со дня рождения Михаила Леонидовича Лозинского

К концу лета 1941 года зенитные орудия встали и в нынешнем парке Ленина на Петроградской стороне, и в садах на Каменном острове и Песочной набережной, совсем рядом с домом, где жил Михаил Леонидович Лозинский. Ленинград одевал свои улицы, парки, дома в военную форму. Фронт шёл к Ленинграду. Ленинградцы уходили на фронт.

Лозинский на фронт идти не мог. В июле ему стало пятьдесят пять. В эвакуацию ему предстояло ехать в Татарскую АССР — в Елабугу. В квартире упаковывали самые нужные материалы для продолжения работы над «Божественной комедией». И в который раз вспоминались Лозинскому строки бессмертной поэмы Данте:

*Здесь нужно, чтоб душа была тверда,
Здесь страх не должен подавать совета...*

Сначала, в 1936-м, когда Лозинский только начал работать над переводом, он считал, что эти строки обращены к нему — поэту-переводчику, посягнувшему на одно из сложнейших произведений мировой литературы. С началом войны в словах Вергилия — проводника Данте по кругам ада — появился ещё один смысл, жёсткий, величавый и трагический. Война требовала твёрдости души от каждого.

Жизнь Михаила Лозинского началась ещё в XIX веке. В 1908-м он закончит юридический факультет университета, в 1913-м — филологический. В 1914-м — начнёт работать в Публичной библиотеке. Он издал сборник «Горный ключ», и хотя этот сборник не стал событием литературной жизни, но любовь к поэтическому звуку, звукописи сохранилась у Лозинского всю его долгую поэтическую жизнь.

М. Л. Лозинский с внуком

Звук, строка, строфа — кирпичики поэтического произведения. Сохраняя и воссоздавая их, Лозинский возводил здания своих переводов. Недаром уже в 1918 году, после одного из вечеров, на котором выступал Лозинский, Блок запишет в дневнике: «...глыбы стихов высочайшей пробы...» А Михаилу Леонидовичу было тогда тридцать два года. Он только начинает работать в редколлегии «Всемирной литературы», созданной А. М. Горьким, и только начинается осознание значения художественного перевода для отечественной культуры.

«Приблизиться к мелодическим водам, бьющим из чужой земли, и, зачерпнув их золотыми вёдрами своего искусства, принести к себе на родину». — Так писал Лозинский об искусстве перевода. «Мелодические воды, бьющие из чужой земли» — это литература других стран. «Золотые вёдра искусства» — мастерство, талант поэта-переводчика, являющегося посредником между странами и литературами. Значит, всё дело в том, кто несёт эти «золотые вёдра».

Лозинский переводил с испанского, французского, английского, выучил фарси, чтобы перевести Фирдоуси. Но с немецкого, который также хорошо знал, Лозинский не переводил. Исключение — два стихотворения Гёте, переводом которых он не был доволен. Чуда перевоплощения не происходило, а работать без него Лозинский не мог. «Высокое качество переводов Лозинского, быть может, более всего обязано наложенным им на себя стеснением...» (Б. Томашевский.)

«Верность была самой характерной для Лозинского чертой», — писала о нём Анна Ахматова.

Верность была чертой его характера. Лозинский не отступался от друзей, от своих убеждений, от принципов жизни...

Верность — самая характерная черта Лозинского-переводчика. Верность оригиналу — самая высокая похвала для поэта-переводчика.

История перевода «Божественной комедии» — главной работы Лозинского — парадоксальна.

Начиная сотрудничество во «Всемирной литературе», Лозинский считал, что идею произведения перевести нельзя, и повторял слова Данте, что «произведение не может быть переложено со своего языка на другой без нарушения его сладости и гармонии». Через два десятилетия, в феврале 1936 года, он пойдёт наперекор этим словам и начнёт работать над «Божественной комедией». «Воображаю, — напишет он в 1942-м, закончив работу, — как он (Дант) возмутился

бы, узнав, что я в конце концов взял да и перевёл его «Divina Comedia», обезобразив 14 233 великолепных стиха». За этим юмористическим высказыванием — 6,5 лет работы, десятки папок с исследованием эпохи создания «Комедии» — средневековой Италии, с толкованием произведения, высказываниями современников. Это не говоря о самой большой трудности — переводе на русский язык стихотворной формы «Комедии» (терцины), формы, совершенно нехарактерной для русского стихосложения.

Лозинский переводил «Божественную комедию», а над миром сгустились тучи. Образы «Ада» померкнули в сравнении с буднями войны, и голос войны заглушит стоны Дантовых мучеников.

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

*Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!*

*Так горек он, что смерть едва ли слаще,
Но, благо в нём обретши навсегда,
Скажу про всё, что видел в этой чаще...*

Первая часть «Комедии» — «Ад» — вышла в Ленинграде в 1939 году. Место действия «Божественной комедии» — вся Вселенная. Вместе с героем поэмы — самим Данте — читатель входит в мрачный лес, затем попадает в другие миры, в преисподнюю, поднимается на гору чистилища, восходит к земному раю и попадает в чертоги божества.

«Рай» Лозинский начал переводить, когда Ленинград уже сжимало кольцо блокады.

В декабрьскую метель Лозинский с семьёй стоял на лётном поле аэродрома. Снежные вихри скрывали прошлую довоенную жизнь, улицы города, в котором вырос и который любил, Неву, Петроградскую сторону, дом и книги, книги в комнате, где за книгами не было видно стен. Книга была любовью, работой и оружием Лозинского. И он своего оружия перед врагом не складывал.

Строчки перевода «Рая» записывали в Елабуге на чистых книжных обложках — бумаги не было. Жили тесно. Лозинский болел: воспаление лёгких, которое началось в дороге, становилось хроническим. После войны, вернувшись в Ленинград, на свою Петроградскую сторону, он вообще не сможет покидать квартиры. Книги и телефон станут единственной связью с миром.

*Но в том — часть нашей радости, что мзда
Нам по заслугам нашим воздаётся,
Не меньше и не больше никогда.*

*И в этом так отрадно познаётся
Живая Правда, что веки взор
К какому-либо злу не обернётся...*

«Живая Правда», о которой говорится в XIX и XX песнях «Рая», — справедливость. Для того чтобы она восторжествовала на Земле, трудился над своим переводом и Лозинский.

Каждый раз, стоит автобусу поравняться с этим огромным каменным домом на углу Кировского проспекта у Каменноостровского моста, я начинаю вглядываться в окна квартир и в который раз перечитываю слова мемориальной доски: «Здесь жил и скончался... замечательный советский переводчик Михаил Леонидович Лозинский 1886—1955».

Подвиг Лозинского, переведившего во время войны «Божественную комедию» Данте, сродни нравственному подвигу учёных ВИРа, сохранивших во время голода коллекцию семян пшеницы, библиотекарей Публичной библиотеки, спасавших в блокадную стужу книги, ежедневному труду работников Эрмитажа по спасению музея под обстрелом. Все они сохраняли не только своему народу, но и всему человечеству знания, культуру, гуманизм и уважение к человеку-творцу.

Олег ХАНЕЕВ

Солдаты с кинокамерой

ПОПРАВКА

Съёмки выдались на редкость трудными. Тем более что некоторые эпизоды надо было снять синхронно, то есть со звуком. Аппаратура была очень громоздкой. К тому же предстояло протянуть на нейтральную полосу электрический кабель: без этого не могла работать синхронная камера.

— Кабель на полтора километра? — спросили в штабе части. — Так его же сейчас перебьёт. Слышите? У нас тут везде

передовая. Лучше выведем вам любого бойца сюда — и снимайте.

— Нет, — сказал кинооператор Валдайцев. — Нужно интервью со снайпером на его огневой точке. Чтобы всё как есть. Требование режиссёра.

Покрутив трубку полевого телефона, замполит коротко приказал:

— Найдите немедленно... — он назвал фамилию снайпера и тут же радостно переспросил: — И счёт свой увеличил? Молодец! Стало быть, у него теперь... три-

Кинооператор Борис Дементьев

дцать? Тридцать один? Ещё лучше!

Парень, вскоре прибывший в штаб, оказался ладным, весёлым, говорливым. Когда он стянул капюшон пятнистого маскировочного халата и подсел поближе, Валдайцев невольно подумал: «А ведь совсем мальчишка, губастый и, видимо, добрый». Но потом, когда речь зашла об этом самом личном счёте уничтоженных фашистов, парень внезапно нахмурился, посуровел, замкнулся, и весёлость исчезла.

— Спрашивайте, что вас интересует, — глуховато произнёс он и рассказал о том, как выслеживал первого вражеского солдата, как маскирует свои огневые точки и как меняет их, чтобы, в свою очередь, не быть выслеженным вражескими снайперами. Говорил не спеша, обстоятельно,

по-деловому. И Валдайцев радостно подумал: этот не стушется перед камерой, скажет всё, что надо для фильма, и режиссёр наверняка останется доволен таким выбором. Ведь иногда, чтобы начать съёмку, документалистам приходится поговорить со многими людьми, прежде чем найдёшь подходящего: ведь не актёры же!

— Так что? — спросил замполит, когда парень, получив приказ «быть свободным», шурша маскировочным халатом, направился к выходу. — Может быть, на том и кончим?

— Нет, будем снимать, — твёрдо сказал оператор.

— Там?

— Там.

— Тогда жди гостей, — усмехнулся замполит снайперу. — Чай гонять.

— Что ж, — охотно подхватил шутку снайпер, — только со своим самоваром!..

На следующий день — ещё не начинало рассветать — в сторону Красненького — там, где сейчас кварталы новых жилых домов, а тогда проходила передовая — скрытно двинулась группа кинематографистов. Впереди шёл молодой лейтенант. За ним несколько солдат. Закинув за спины ППШ, они осторожно тащили съёмочную аппаратуру.

— Только поаккуратнее, — повторял звукооператор Борис Картавенко.

Василий Ефимович Валдайцев шагал последним. Свою камеру он тащил сам, не доверяя нико-

---

Так случилось, что последний мирный кадр, снятый оператором Е. Учителем, стал и первым кадром уже военного дня.

...Белая ночь на Неве. Кончается 21 июня и начинается утро 22 июня 1941 года. На набережной — школьники после выпускного вечера. Декламируют Пушкина. А рядом — афиша балета «Ромео и Джульетта». И никто ещё не знает, что уже поднимаются со своих аэродромов вражеские самолёты и что они взяли курс на их родной город... Потом этот эпизод войдёт в фильм «Подвиг Ленинграда» и будет описан во многих книгах о кино.

В 1942 году в осаждённом городе не хватало не только хлеба, но и электрической энергии. Она подавалась лишь на заводы, выпускавшие оружие. Однако в начале года приказом Военного совета Ленинградского фронта электрический свет был дан и ещё одному «важному объекту» — зданию на

«Пимен XX века» Глеб Трофимов

му. Иногда он ногой нащупывал кабель: ночью его проложили связисты.

Путь показался необычайно длинным. Последние метры пришлось пробираться ползком по хлюпающей глинистой жиже, на боку, держа над собой на весу аппаратуру и оружие.

Неожиданно кабель под ногами Валдайцева пропал, уйдя куда-то вниз, и шедшие впереди лейтенант, солдаты и звукооператор Борис Картавенко словно вдруг растворились в предрасветном тумане, сползавшем сюда от вражеских позиций.

— Привет старым знакомым, — раздался совсем рядом шепоток.

Теперь Валдайцев различил пятнистый капюшон маскировочного халата, а по голосу — того самого парня, с которым беседовал в штабе.

— Располагайтесь, — сказал парень так привычно-спокойно, будто и впрямь приглашал на чаепитие. — Самоварчики с собой? Всё правильно! Только кру-

тите своё кино по-быстрому. Сдаётся, фриц вот-вот задвигается.

Борис Картавенко, подув в микрофон, подвинул его ближе к снайперу, спросил:

— Сколько гитлеровцев уничтожили вы лично?

Парень вздохнул:

— Я же говорил вам уже — тридцать одного.

— Стоп! — зашептал Валдайцев. — Пожалуйста, без «я же говорил». Договорились?

— Ладненько, — согласился парень, беспокойно поглядев в сторону неприятельских позиций.

Светало. Ветер от залива гнал к городу поредевшие тучи.

— Съёмка, — строго шепнул Валдайцев, нацеливая камеру.

— Гадов, — сказал снайпер, — я уничтожил уже тридцать с лишним. Точно: тридцать одного гада. И буду бить их до тех пор, пока топчут они нашу землю...

Ефим Учитель
перед вылетом на задание

Мельничной улице, где разместилась Ленкинохроника (до войны она находилась на Каменном острове). На студии шёл монтаж полнометражного фильма «Ленинград в борьбе» (удостоенного потом Государственной премии СССР). А ещё в это время снималась новая документальная лента о снайперах.

Кинооператоры вели съёмки на улицах, обстреливаемых вражеской артиллерией, и на заводах, находившихся в прифронтовой зоне. И на переднем крае обороны. И на кораблях Балтики, на Дороге жизни, у партизан. Их оружием была кинокамера. Однако случалось им, взявшись за автомат, вместе с солдатами или партизанами идти в атаку, на прорыв.

О работе операторов в годы войны можно было бы рассказывать очень много. Вот два небольших эпизода. Журнал посвящает их 45-летию начала Великой Отечественной войны.

Он сказал ещё несколько слов и выжидательно поглядел на Валдайцева. Тот, не отрываясь от камеры, продолжал молча снимать. Он снимал, как солдат поправил маскировочный халат и приладил капюшон поглубже, он всегда так делал, готовясь к стрельбе; и как проверил снайпер прицел, проведя ладонью по затвору, будто стараясь его согреть.

Подполз лейтенант. Скомандовал отход.

— Ещё хоть бы один дубль, — взмолился было Валдайцев, но взглянув на парня, понял, что никаких дублей сегодня больше уже не будет. — Э-эх, вот только и свет налачился!

— То-то и худо, что налачился, — буркнул лейтенант, знаком приказывая солдатам взять аппаратуру, а заодно и начать сматывать кабель.

Начинался обстрел.

В штабе операторов встретил замполит.

— Поправочка, — сказал он. — Будете где указывать в своём фильме насчёт личного счёта фашистов, обязательно приплюсуйте ещё одного. Сейчас сообщили. Тридцать два!.. Пока вы сюда добирались, он тоже работал!

«ДЕРЖИСЬ КРЕПЧЕ ЗА ВОЗДУХ!..»

— С парашютом прыгали? — спросил директор студии, пригласив в свой кабинет оператора Бориса Дементьева. — Ничего особенного — берите инструкцию и изучайте. Да и парашют полуавтоматический — сработает! А не сработает, — засмеялся он, — тогда держитесь, Боря, крепче за воздух... — И уже по-военному (он, как начальник фронтовой группы, был в форме, и все операторы тоже) приказал: — Через два часа явитесь в Кавголово, на базу партизан из института имени Лесгафта. Полетите вместе с ними.

Сергей Фомин — автор боевых съёмок на Балтике

Несколько дней спустя — ночью — всех подняли по тревоге, а ещё через час-полтора посадили на самолёт на одном из пригородных аэродромов.

Куда лететь — этого Дементьев не знал. Пилот шутил:

— Приказано выбросить в Энском пункте!

Вновь полистав инструкцию по парашютному делу, оператор спросил:

— С какой высоты будем прыгать?

— Посадим, как на мягкую перину, — усмехнулся пилот.

Самолёт был до отказа загружен ящиками с патронами, автоматами ППШ. Сидеть приходилось скрючившись. Иллюминатор был тоже заставлен ящиками. Так что обо всём, что происходило за стенами кабины, можно было догадываться по движению ящиков.

Но вот ящики резко сдвинулись с места, навалившись на оператора. Значит — посадка. И сразу же, едва стих мотор, с земли донеслась стрельба.

— Там бой, — объяснил пилот, настороженно вглядываясь в край взлётной площадки. Наконец сказал: — Вроде кончилось.

Была ночь. На площадке догорали сигнальные костры. Возле, гася их, бегали партизаны, только что отбившие внезапный налёт гитлеровцев.

Потом из леса вышло несколько подвод. Самолёт быстро

Кинооператор В. Максимович (справа) и Я. Блюмберг на Пулковских высотах

разгрузили, и он, взлетев, лёг на обратный курс.

...В партизанском лагере Дементьева поселили в командирской землянке.

Начиналось лето. Дни стояли тёплые, без дождей, светлые — лучшая пора для съёмок.

Вскоре в землянку пришёл комиссар партизанского отряда.

— Собирайтесь, да хорошенько. Путь немалый. Пойдёте вместе со взрывниками.

Переход оказался действительно дальним. С непривычки идти по не просохшим ещё лесным тропам было тяжело. В рюкзаках — кассеты с запасной плёнкой. В каждой кассете — тридцать метров: на одну минуту съёмки.

Проходя по оккупированной территории, партизаны заминировали шоссе, сделали несколько завалов.

К железной дороге Псков — Дно вышли к вечеру. Командир отряда осмотрел местность. По всему было видно, что он чем-то озабочен.

— Дальше не ходить! Там — хворост.

Подходы к насыпи были завалены валежником. При каждом шаге он сильно хрустел. То был сигнал для охранявших дорогу

гитлеровцев. Вдоль дороги с деревьев была содрана кора: на светлом фоне голых деревьев подходы к насыпи лучше просматривались.

И всё-таки партизанам удалось заминировать мост.

Начинало светать, и оператор приготовился к съёмке.

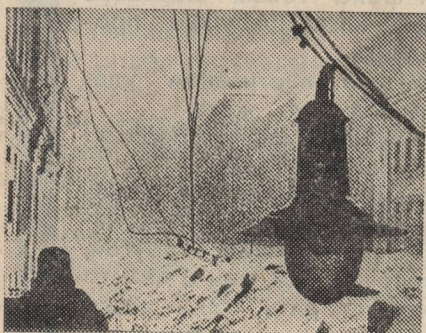
Было видно, как от моста отошёл немецкий солдат и как навстречу ему направился другой, как, остановившись, они о чём-то принялись говорить. «Эх, — подумал оператор, — сейчас бы телевизор!» Огромными телеобъективами, имевшимися уже и тогда на студии, удавалось снимать на большом расстоянии. Но это было в Ленинграде, а здесь — лишь лёгкая ручная камера, которую к тому же и заводить постоянно надо...

Ждать пришлось долго. Наконец вдали задымил паровоз.

Оператор приготовился, ожидая команду командира отряда. Однако тот недовольно мотнул головой — вместо ожидаемого воинского эшелона шёл порожняк: старые, изрядно искорёженные вагоны, которые перегонялись для ремонта.

И опять началось долгое ожидание.

Кадры из документальных фильмов, созданных в годы Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде

И вдруг командир отряда оживился. К мосту приближался свеженький — видимо, недавно из депо — паровоз и за ним такие же ухоженные вагоны с солдатами. Следом за вагонами шли платформы, накрытые брезентом — с техникой.

Казалось бы, всё как нельзя лучше. Однако командир недовольно поморщился:

— Медленно ползёт, гад! Эффекта не получится. Вздрыгнет и остановится.

— А пламя, — спросил оператор, — будет?

— Это гарантируем!

Подойдя к мосту, паровоз ещё более замедлил ход и как бы нехотя пополз между двумя берегами неширокой реки. Слышно было, как цокает вагонная сцепка. Когда паровоз достиг наконец середины моста, командир кивнул оператору. Тот включил камеру. И тотчас грохнул взрыв...

На обратном пути оператору удалось снять ещё несколько «сюжетов». Разведчики обнаружили вражеского часового, обезвредили его, и оператор снял разведчиков с трофеями: с немецким «шмайсером» и фляжкой в матерчатом футляре. Потом неподалёку на поляне оказался никем не охраняемый «Юнкерс-88» — видимо, сделав вынужденную посадку, пилоты отправились за помощью. И оператор снял на плёнку, как немецкий бомбардировщик был уничтожен в глубоком вражеском тылу.

Эти эпизоды тоже вошли в фильм «Народные мстители».

Во время одной из «командировок» Борис Дементьев оказался в кольце вражеского окружения. Молодой оператор возглавил группу партизан и вывел её в расположение наших войск.

Вот как, бывало, работали в те годы операторы.

В 1986 году советский народ и всё прогрессивное человечество отмечает знаменательную дату — 275 лет со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова.

«Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один являлся самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом...» Так писал о Ломоносове Пушкин — великий знаток того времени. И вот что он ещё отмечал: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, минералог, художник и стихотворец... с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями...»

Предлагаем вам познакомиться с несколькими эпизодами из жизни Михаила Ломоносова. Они взяты нами из рукописи будущей книги А. Томилина «Рассказы об электричестве».

...По мосткам, проложенным вдоль низкого топкого берега Васильевского острова, идут июльским днём двое. Оба лет около сорока. Один — высок и дороден. Телосложения крепкого, можно сказать, богатырского. Шагает размашисто, под ноги не глядит. Попадёт каблук в щеловину меж досками — выдирает, не останавливаясь. Голубой академический кафтан на нём расстёгнут. Время от времени он утирает широким обшлагом лоб, сдвигая напудренный парик, но шага не замедляет, поглощённый своими мыслями, по сторонам не глядит...

Другой ростом вышел тоже, но в кости тоньше и потому рядом с товарищем своим кажется помельче. Идёт он аккуратно, выбирает, куда ступить, чтобы пыль от хлопающих досок не садилась на белые чулки и

панталоны, но при этом успевает видеть всё, что делается окрест. Плывёт по Неве плот — тут же про себя отметит: «Брёвен в ряду две дюжины, а мужиков — трое. Сие немного, а стало быть, хорошо мужики работают, не ленятся». Оглядит лес и, коли тот хорош, — догадается: «Должно, в Галерную гавань гонят...» А ежели приметит посредине плота груз, прикрытый рогожами, догадается: «Не иначе — чугун в Адмиралтейство от Литейного сплавляют». Жара ему не помеха, даже лоб не блестит. Бросив взгляд на небосклон, край которого затягивают тучи, говорит по-немецки:

— Es ist Warm, aber ich glaube, daß nach Mittag ein Gewitter sein wird, nicht wahr?¹

¹ Тепло, но я думаю, что после обеда будет гроза, не так ли? — (Нем.)

И хотя мысли его собеседника далеки от происходящего вокруг, он сразу же откликается:

— Vielleicht, meinetwegen...¹ — И переходит с немецкого на русский. — На Илью до обеда завсегда лето, а с обеда — осень. — Потом поднимает голову и тоже глядит на небо. — Тучи от норда идут, грому нарочитого ожидать можно. Надобно махины громовые наладить, дабы обсервации чинить непомешно было...

Пожалуй, именно так представляю я себе, как возвращаются с заседания профессоры императорской Академии наук в Санкт-Петербурге Михаил Ломоносов и Георг Рихман. Происходит это 26 июля 1753 года. Оба с утра были в присутствии, но, заметив, что погода поворачивает на грозу, отпросились домой, дабы «чинить электрические воздушные обсервации с помощью громовых махин»...

Они были ровесниками — Ломоносов и Рихман, — и знакомы были давно. В начале 1736 года в Академию из Москвы прислали для дальнейшей учёбы несколько «в науках достойных» учеников из славяно-греко-латинской академии. Был среди них и великовозрастный помор Михаила Ломоносов, отличавшийся особенно жадной любознательностью и выдающимися успехами в науках. Оттого и назначили его ехать за границу, в Германию, обучаться горному делу и химии... Но как ехать, ежели Михайла ни слова не знал по-немецки? Знал старославянский, знал латынь... Решили приставить к нему учителя. Выбор пал на студента академического университета Рихмана Георга. Рихман знал русский и брался обучить новоприбывшего немецкому языку. Так началось их знакомство, которое перешло потом в дружбу.

...Восьмого сентября того же 1736 года на палубу купеческого судна,

стоявшего на рейде у Кронштадта, поднялись три молодых человека с незатейливым багажом, умещавшимся у каждого в кожаном сундучке. Это были студенты Рейзер, Виноградов и Ломоносов, назначенные к обучению в Германии. Товарищи Ломоносова боязливо посматривали на мутные волны, бьющие о дубовые борта парусника. Михайла посмеивался: «Разве ж это буря?..» Однако шкипер решил не рисковать и возвратился, чтобы переждать шторм. Лишь две недели спустя удалось покинуть Кронштадт. Началось долгое, почти пятилетнее пребывание Михаила Ломоносова за границей.

Жить и учиться в чужой стране — не простое дело.

Сначала русские студенты учились в городе Марбурге у философа Вольфа. Знакомились с нравами и обычаями немецких буршей — так называли германских студентов, — совершенствовались в языке и слушали лекции в университете. Они крепко держались друг друга, не давались в обиду любителям пошутить. Был доволен своими учениками и Вольф.

Но вот пришло из Петербурга указание ехать им во Фрейберг, изучать горное дело и металлургию. Учителем им был определён «берграт», горный советник, Иоганн-Фридрих Генкель. Это был тщедушный маленький человек, надувшийся спесью. Студентам он сразу не понравился, да и начинать занятия горный советник не торопился.

Приехал из России во Фрейберг надворный камерный советник Готлиб Юнкер. Он числился академиком по кафедре поэзии и занимался в Петербурге в основном составлением иллюминаций и стихотворных праздничных од, а русского языка не знал, потому и очень обрадовался, встретив Ломоносова. Целью четыре месяца несчастный студент должен был переводить для него в Петербург различные донесения, зато попробовал Михаил Васильевич свои силы в стихотворстве. Узнав, что русские войска взяли во время войны с турками крепость Хотин, наш студент написал тор-

¹ Возможно, пусть будет...

жественную оду, которую тоже от-правил в Петербург. Стихи Ломоносова были написаны совсем новым, ямбическим размером, и звучали они несравненно лучше, чем всё, что сочинялось до сих пор. В письме, сопровождавшем стихи, Ломоносов объяснял: «Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобно оным, в себе купно природную и свойственную версификацию иметь может...»

В то время сочинение стихов для студентов западноевропейских университетов было делом привычным. В Марбурге не только студенты, но и профессора, обладающие счастливым даром стихосложения, не гнушались писать вирши по заказу. Существовала даже определённая цена: одна за надгробные или хвалебные речи, другая — за стихи королям и высокопоставленным особам. В бумагах университетского архива сохранились даже расписки получавших обусловленную плату, а также жалобы недовольных, требовавших оплаты по установленной таксе.

Что же касается обучения главному своему делу у господина горного советника, то здесь у Ломоносова было много причин для недовольст-

ва. Генкель, по его мнению, лекции читал о пустяках. Тянул время. Большая часть опытов у него не удавалась. «Сего господина могут почитать идиолом только те, которые коротко его не знают... Самые обыкновенные процессы, о которых во всех химических книжках говорится, он держит в секрете и сообщает неохотно; горному же искусству гораздо лучше можно обучиться у любого штейгера, который всю жизнь свою в рудниках проводит, нежели у него...»

Вскоре после этого письма между надутым спесью учителем и горячим учеником вспыхнула ссора, и Ломоносов покинул Фрейберг.

Если посмотреть на политическую карту Европы того времени, то Германия являла собой смесь разобщённых княжеств. Площадь некоторых из них не превышает двадцати—двадцати пяти квадратных километров, но князья при этом непрестанно ссорились и воевали друг с другом. Одним из сильных государств на территории Германии стала в ту пору Пруссия. У скупого и грубого короля Фридриха Первого была страсть: он не жалел никаких денег на армию и везде, где только мог, вербовал в солдаты рослых молодых людей...

Эта особенность Фридриха Первого чуть было не сыграла трагическую роль в жизни Ломоносова.

Михаил Ломоносов вернулся в Марбург. Здесь у него было много товарищей, здесь — его первый учитель Христиан Вольф и Елизавета-Христина Цильх, дочь недавно умершего члена городской думы. С нею он переписывался, будучи в обучении у Генкеля, с нею он и обвенчался шестого июня 1740 года. Сделал он это тайно, поскольку должен был получить сначала разрешение на женитьбу из Петербурга... Однако семейная жизнь с самого начала не задалась. Не было средств, а взятые в долг деньги скоро кончились, и молодому супругу стала угрожать долговая тюрьма. Что делать?... Ломоносов решает бежать в Голландию, чтобы там сестра на какой-нибудь корабль и отправиться на родину...

Ранним утром, когда все добропорядочные горожане ещё мирно спали на своих перинах, из дверей дома городского старшины Генриха Цильха вышел рослый малый в дорожном коричневом кафтане с палкой в руке и с небольшим узелком. Он огляделся по сторонам, вздохнул и зашагал к северным воротам города, крепко ставя на марбургскую мостовую ноги в тяжёлых башмаках... С первыми лучами солнца он был уже далеко по дороге в Дюссельдорф.

Ломоносов был физически очень крепким человеком. Но день в дороге, практически без еды, если не считать куска хлеба с ломтиком сыра, притомит кого угодно. И потому была понятна его радость, когда ближе к вечеру увидел он у дороги харчевню. Нащупав в кармане несколько мелких монет, Михаила решительно завернул во двор. Здесь он отдохнёт, поужинает и заночует...

Во дворе за сдвинутыми столами весело пировали солдаты прусской армии — в синих мундирах с красными галстуками на шеях — и несколько новобранцев, продавших свою свободу за несколько талеров. Поодаль сидел офицер-вербовщик. При виде рослого молодца глаза

пруссак сузились. А когда новобранец стал тайком пересчитывать гроши, прежде чем заказать еду, вахмистр вежливо пригласил путника разделить с ним трапезу, уверяя, что это ему ничего не будет стоить...

На следующий день Михайло Ломоносов прежде всего увидел у себя на шее красный галстук. Он сунул руку в карман — там были деньги, несколько прусских монет... А он ничего не помнил из того, что произошло вчера.

— Вот и наш славный молодец, которому наверняка посчастливится на службе его королевского величества, — сказал офицер, с удовольствием похлопывая могучего новобранца по мускулистым плечам. — На параде верхом ты будешь великолепен...

— На каком параде, я про то ничего не знаю и знать не хочу, — отвечал Ломоносов.

Подошли солдаты с вахмистром.

— Как это ничего не знаешь? — спросил вахмистр и переложил трость из левой руки в правую. — Разве ты не помнишь, как вчера при всех принял королевскую службу, ударил по рукам с господином поручиком, взял задаток жалованья и пил с нами за здоровье твоего и нашего полка?..

— Не упрямся, камрад, — уговаривали его солдаты.

— Какой я вам «камрад»?! — закричал Ломоносов. — Я — русский и никогда не был и не буду вашим товарищем...

Остаток дня и весь путь до заката Михаила провёл связанным в телеге. У него было время подумать. И когда вместе с остальными рекрутами уже пешком, под бдительным присмотром, подходил он к воротам крепости Везель, где ему предстояло отныне служить, план в его голове созрел окончательно. Он притворится довольным службой, но при первой же возможности удерёт... Следовало только усыпить бдительность «камрадов».

После учений Михаила стал ложиться спать с раннего вечера, и к тому времени, когда остальные солдаты засыпали, он уже мог считать

себя выпавшимся. Однажды, проснувшись вскоре после полуночи, он натянул шинель, с величайшей осторожностью вылез через окно, дополз до вала, удачно миновал часовых и тихо спустился в ров, наполненный водой. Вот когда пригодилась выучка на Северной Двине. Ломоносов в одежде бесшумно переплыл ров, вскарабкался на контр-эскарп, перелез через частокол и палисад и, миновав пологую насыпь, выбрался в чистое поле. А здесь, подхватив полы мокрой тяжёлой шинели, побежал... Дальше всё зависело от его сил и проворства ног. Если удастся добраться до вестфальской границы — он спасён.

Однако, едва он пробежал четверть пути, как раздался пушечный выстрел. Так в крепости сообщали о бежавшем дезертире. А затем из ворот вылетел всадник, пустившийся в погоню за беглецом. Началось ни с чем не сравнимое состязание... Хорошо всё-таки, что Ломоносов перешёл вестфальскую границу раньше всадника!

Сорвав с себя ненавистный галстук, сняв мокрую одежду, Михаила целый день провёл в лесу. Лишь на следующее утро рискнул он пуститься в путь, выдавая себя за бедного странствующего студента. Так доб-

рался он до Франкфурта, а оттуда водой — в Роттердам и Гаагу. Граф Иван Гаврилович Головкин, бывший в ту пору русским посланником в Голландии, отказал Ломоносову в помощи, не желая ввязываться в это дело без указа из России. Знакомые архангельские купцы, которых разыскал Михайла в Амстердаме, не советовали ему возвращаться без разрешения, поскольку дела на родине были в состоянии непонятном: императрица Анна Иоанновна умерла, власть перешла к Бирону. Правда, положение этого узурпатора, ненавистного большинством, было непрочно...

В ноябре 1740 года в письме на имя советника академической канцелярии Шумахера Ломоносов сообщает: «В настоящее время я живу инкогнито в Марбурге у своих друзей и упражняюсь в алгебре, намереваясь оную к теоретической химии и физике применить. Утешаю себя пока тем, что мне удалось в знаменитых городах побывать, поговорить с некоторыми искусными химиками, осмотреть их лаборатории и взглянуть на рудники в Гессене и Зигене...» Почти целый год пришлось ему ждать указа о возвращении. Лишь в июне распрощался он со всеми марбургскими друзьями и двинулся в путь домой.

...На углу Второй линии Васильевского острова Ломоносов простился с Рихманом. Ему нужно было поворачивать направо, тогда как дом его друга стоял дальше, на Большом проспекте.

Вопрос о природе электричества занимал многих учёных того времени. В частности, много было споров о природе электрических искр, получаемых от атмосферного электричества, «сходны ли искры сии с молнией?». Опыты с электричеством поражали воображение Ломоносова ещё во время его учёбы в Германии. Как зачарованный смотрел он на вращающийся под ладонями приезжих демонстрантов стеклянный шар, рождающий бледные голубые искры в темноте ярмарочного балагана. Может быть, перед его глазами вставало родное архангельское небо, расцвеченное зимними сполохами полярных сияний? «На пазорях матка дурит», — неодобрительно говорили поморы, глядя на играющие огни. Они имели в виду мечущуюся во время полярных сияний стрелку компаса... Ах, не давали покою эти тайны молодому, а потом уже и не очень молодому учёному, вышедшему из поморской среды...

...Елизавета Андреевна, именно так теперь называли Елизавету-Христину, урождённую Цильх, собирала на стол. Она уже не первый раз окликала мужа, выговаривая ему за поддержку. Нарушений распорядка в доме она не терпела. А он всё не мог оторваться от проволоки, пропущенной в сени от шеста на крыше. В этом и заключалась нехитрая «громовая машина». Он всё ждал и ждал... И дождался: вдруг без всякого грома из проволоки выскочила искра. Сначала одна, потом другая, третья, целый каскад...

— *Kom maе her!*¹ — крикнул Ломоносов. Его супруга, несмотря на годы, прожитые в России, с русским языком была не в ладах.

Цвет искр — один из предметов его спора с Рихманом. Ломоносову во что бы то ни стало нужны были

свидетели наблюдений. Домочадцы робко жались к стене подальше от «громовой машины», и в этот момент грянуло почти что над головой. Искры брызнули из проволоки разноцветным каскадом, и все, толкаясь, побежали прочь из сеней. А Ломоносов не пускал. Он заставлял вглядываться в цвет падающих звёздочек и повторять за собой: «Голубыя, синия, нарочито красныя...»

Оставшись один, он подождал ещё немного, не повторится ли природный фейерверк, но не дождался и пошёл обедать. Однако не успел он вы хлебать и тарелки щей, как входная дверь с шумом растворилась и в горницу весь в слезах ввалился человек от Рихмана. Утирая слёзы, он еле выговорил:

— Профессора громом зашибло...

Вскочив на ноги, как был, без парика и кафтана, бросился Ломоносов на улицу. Бежать было изрядно. Он промок и задохнулся, пока добрался до Рихманова дома...

Георг лежал в сенях на сундуке, бездыханный, подле торчащего из стены железного прута, коим оканчивалось устройство, сооружённое на крыше. Доктор, профессор Кратценштейн, пытался пустить ему кровь, но она не шла. Медик зажимал пострадавшему ноздри, дул в рот. Всё было напрасно...

Домочадцы, бывшие свидетелями происшествия, рассказывали, что сначала «указатель электричества», висевший в сенях, ничего не показывал и господин профессор рассудил, что гроза ещё далеко. Он позвал гравировального мастера Соколова, который должен был делать рисунки к его докладу, и стал показывать и объяснять установку. Как вдруг, без всякого грома, вышел из проволоки синеватый клуб, величиною с кулак, и потрафил прямо в лоб господину профессору. Не издавши ни единого звука, повалился тот на пол. И тут ударило так, будто выпалили из большой пушки...

...Смерть Рихмана потрясла всех. О его кончине писали во многих зарубежных странах, где производились такие же опыты. Противники учёных

¹ Идите сюда! — (Нем.)

злорадствовали, кричали о «деснице господней, карающей нечестивцев...». В Москве, где находился двор императрицы Елисаветы, многие также заговорили о наказании божьем. А сама императрица, отличавшаяся набожностью и суеверием, слушала эти разговоры, широко раскрыв от страха глаза...

«Между тем умер г. Рихман прекрасною смертью, исполняя по своей профессии должность, — писал Ломоносов Шувалову, ходатайствуя о пенсии вдове друга и детям. — Память его никогда не умолкнет, но бедная вдова его, тёща, сын пяти лет, который добрую показывает

надежду, и две дочери, одна двух лет, другая около полугода, как об нём, так и своём крайнем несчастьи плачут... Милостивый государь! Исходатайствуй бедной вдове его или детям до смерти. За такое благодеяние господь бог вас наградит, и я буду больше почитать, нежели за своё. Между тем, чтобы сей случай не был протолкован противу приращению наук, всепокорнейше прошу миловать науки и вашего превосходительства всепокорнейшего слугу в слезах Михаила Ломоносова.

Санкт-Петербург,
26 июля 1753 года».

«Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана, — писал позже Пушкин, знакомясь с бумагами Ломоносова. — Оно действительно прекрасно. Это письмо человека, глубоко переживающего обрушившееся несчастье не только в личном плане, но и в общественном, человека, всей душою болеющего за „приращение наук“».

Олег Данилов

ИМЕНЕМ

*Научный консультант-
кандидат
юридических наук
В.С. ТИМЕСКОВА*

12
РАССКАЗОВ
О БОРЬБЕ ЗА ИСТИНУ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

С
РАССЛЕДОВАНИЯМИ,
ИССЛЕДОВАНИЯМИ,
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ,
СУДЕБНЫМИ
ЗАСЕДАНИЯМИ
И
ЮРИДИЧЕСКИМИ
КАЗУСАМИ.

ЗАКОНА!

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ

Недавно Олег Данилов встретился по заданию редакции с прокурором Николаем Николаевичем Кирилловым.

— Здравствуйте, Николай Николаевич!

— Здравствуйте, Олег! Прежде чем вы начнёте задавать свои вопросы, прочтите вот это.

— А что это такое?

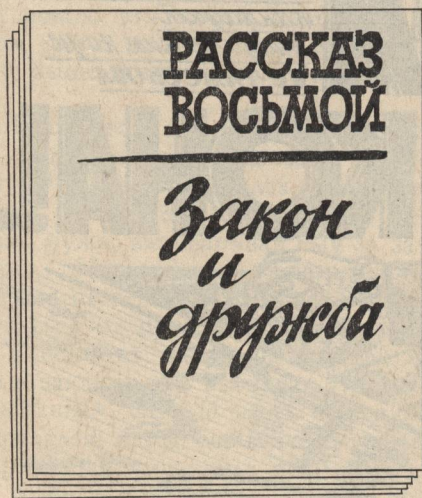
— Читайте, читайте!

«Уважаемый товарищ прокурор! На протяжении нескольких месяцев редакция журнала „Искорка“ позволяет себе подрывать мой служебный авторитет, нарушает покой моей семьи. Воспользовавшись несправедливостью, которую проявили по отношению к моему сыну его одноклассники, — я имею в виду случай с мнимым ограблением киоска „Союзпечать“, — писатель Олег Данилов начал на страницах журнала чуть ли не расследование нашей жизни. Рассказы о побеге сына из дома, поиски „тайного смысла“ его увлечения экономикой, сообщения о Каменской трикотажной фабрике с упоминанием ОБХСС, — всё это порождает слухи, сплетни и нездоровый ажиотаж вокруг сына и меня. Прошу вас, как прокурора района, вмешаться и прекратить это издевательство.

С уважением
старший экономист материально-технического снабжения Иванов
Дмитрий Анатольевич.

- Ну как, товарищ писатель!
  - Но ведь мы сообщаем только подлинные факты!..
  - Безусловно. И у меня нет оснований вмешиваться в работу журнала.
  - А в чём всё-таки дело с Серёжей Ивановым и вокруг него?
  - Об этом говорить ещё рано. Итак, с какими вопросами вы ко мне пришли?
  - В выпусках серии «Именем Закона!..» мы рассказали ребятам о некоторых разделах советского законодательства — гражданском, административном, трудовом, семейном. Настала пора рассказать об уголовном праве. Не могли бы вы подсказать направление беседы, конкретные темы!.. Или вспомнить случаи из вашей практики!..
  - Охотно помогу вам. Очень интересная и, я бы сказал, поучительная история произошла недавно в пионерском лагере «Ястребок». Слыхали о таком?
  - Ну как же!..
  - Мой вам совет — поезжайте туда, отыщите в седьмом отряде четвероклассника Севу Славкина и поговорите с ним... А потом обсудим.
- Олег Данилов встретился с Севой и записал его рассказ, который мы и предлагаем вашему вниманию.

Этим летом, так я подумал сначала, мне здорово повезло. Во-первых, пионерский лагерь, в который меня послали родители, один из лучших в городе. Про него в газетах пишут и по телевизору показывают... Но это не главное. В первый день, как

приехали, пошли мы обедать в столовую... А я позавтракал рано, да ещё в автобусе расстрясло — в общем, обеда мне не хватило. Точнее — не хватило котлет. Очень они вкусные тут оказались. Хотя и компота тоже не хватило. В общем — пошёл я за добавкой. Смотрю, а у котла стоит и половником в нём мешает парень из нашего дома — Вася Колечкин. Он учился в кулинарном ПТУ на повара, весной окончил его и вот, значит, куда попал работать!

— Вася! — кричу. — Привет!

— Сева! — улыбается Вася. — Сосед! Какая встреча!

В общем — в тот раз хватило мне и котлет, и компота, а потом и булочек на полдник.

Оказалось, Вася работает на кухне по сменам, через день. И когда у него выходной — он в город не уезжал, а приходил к нам в отряд. И

мы с ним и купались вместе, и загорали, и в волейбол, и вообще...

Вася — взрослый. Ему вот-вот восемнадцать исполнится, осенью в армию идёт, а мы с ним — друзья. Другие ребята меня сразу уважать начали. А я к Васе и по вечерам забегал, и утром, если до подъёма проснусь, — картошку помогал чистить, или тарелки отмыл, или просто так. Я думаю, когда один работает, а другой рядом стоит, только серьёзно стоит, сосредоточенно, вдумчиво — это тоже помощь.

Я, конечно, не потому на кухню бегал, чтобы лишнее съесть. Я только в первый раз проголодался, а в другие дни мне хватало. А Вася всё равно мне — то яблоко, то апельсин, то конфету... Я сначала отказывался — не надо, говорю, другим не хватит. А он мне объяснил, что всегда что-то остаётся — лагерь-то огромный, на восемьсот человек, и то заболел кто — ему конфет нельзя, или родители кого в город забрали, или отряд в походе. А излишки повара обязаны раздавать ребятам. И Вася не только мне давал, что останется, но и всем, кто хочет.

Отлично мы с Васей дружили целых две недели! И я всё переживал — в одном дворе всю жизнь прожили, а на него только издали смотрел! Ну ничего — когда он в армию уйдёт, я ему письма писать буду. А когда вернётся — я уже стану взрослым и можно будет дружить по-настоящему.

А однажды Вася мне выдающуюся конфету дал — «Птичье молоко»!

— Попробуй, — говорит, — небось не ел таких?

— Нет, — говорю.

Попробовал — да!.. А Вася говорит: «Смотри, не бол-

тай ребятам!» Я и сам решил — ничего не скажу. Зачем? Придут они на полдник, а мы им — раз! — и такой сюрприз! И у всех будет радость! А если заранее сказать — то не будет такой радости. Но день прошёл, и другой, и третий — не выдают нам «Птичьего молока». Ну, думаю, на родительский день берегут. Чтобы родители, когда придут, были потрясены, как нас тут кормят...

А вечером приходит к нам в спальню наш вожатый Саша Петухов, мрачный и сердитый. Даже злой.

— Слушайте, — говорит, — меня. Беда у нас в лагере. Хуже не придумаешь.

Мы сначала засмеялись. Потому что у взрослых главная беда — это если кто-то без спросу купаться полезет.

— Сами у себя крадёте! — вдруг закричал Саша. — У своих товарищей! Совесть у вас есть?

Я говорю:

— Ты что, Саша? У нас ничего ни у кого не пропало!

Саша сел на табуретку и говорит:

— Я уверен, что вы тут ни при чём. Но ведь крадёт кто-то у своих!..

Тут выяснилось, что из кладовой, где хранятся продукты, ночью были похищены два ящика шоколадных конфет «Птичье молоко». Кто-то сбил замок и ящики вынес.

— Ну, малявки, конечно, исключаются, — говорит Саша, — им и не додуматься, и ящик не поднять даже всем отрядом. А остальные! И не в конфетах дело! Главное — воры-то среди нас! Пока не найдут — любого подозревать можно... и вас... и меня... Вот что ужасно.

Ребята поахали, повозмущались и легли спать. А я всё думал — а вдруг Васе попадёт?

Ведь он, наверное, за эти конфеты отвечает!

И точно. Бегу я утром к нему на кухню, а Вася стоит бледный и молчит. А перед ним стоит завхоз, весь красный, и орёт:

— Ты что смотрел?! Ты, наверное, замок не закрыл! Ты эти ящики, наверное, забыл в кладовую занести! Вот так мы храним материальные ценности! Безобразие! Преступная халатность!

Завхоз так орал, что на крик чуть не весь лагерь сбегался. И все стали бедного Васю защищать:

— Если бы он ящики не занёс — никто бы дверь не взламывал! А если бы замок был не закрыт — зачем было его сбивать! Чего к человеку пристали!

Я, конечно, громче всех за Васю заступался.

Завхоз ещё пошумел и отстал. А лагерь сразу поскучнел, потому что начальник отдал приказ: в милицию не сообщать, чтобы позора не было, а искать самим.

Вожатые и воспитатели пошли по спальням, заставили ребят все вещи перетряхнуть — ничего не нашли. По территории посмотрели, в разных кустах, оврагах и канавах — тоже ничего не обнаружили. И решили про это дело забыть. Целую неделю всё было спокойно. До тех пор — пока из кладовой не пропали два пакета с плитками шоколада.

Завхоз так орал на Васю, что даже начальник лагеря вступился.

— Что вы, — говорит, — Захар Петрович, на человека напали? При чём он тут? Конечно, это дорогие наши детки орудуют! Конфеты, шоколад — само собой, ясно!..

Опять стали весь лагерь перетряхивать. И опять ничего не нашли. А я всё это время

каждую свободную минуту к Васе бегал. Такая неприятность у человека! А главное — я этого раньше не знал, — он, оказывается, по совместительству кладовщиком оформлен. Значит, он за всё, что в кладовой, материальную ответственность несёт!

Я ему говорю:

— Сообщи в милицию! Пускай воров найдут!

— Понимаешь, Севка, — говорит Вася, — а вдруг не найдут? А вдруг им покажется, что я на самом деле плохо храню?.. Начальник обещал — как-то спишет, что ли, или уж я не знаю...

— А если, — говорю, — ещё чего-нибудь украдут?

Он опять руками развёл и не пошёл с нами купаться. Ив футбол играть не стал... И тогда я решил действовать. Нужно было во что бы то ни стало изловить воров!

Четыре вечера подряд, когда лагерь затихал и все засыпали, я вылезал в окно и, хорясь за кустами, прокрадывался в беседку — она как раз напротив кладовой — и вёл наблюдение. И ничего не замечал. А пятой ночью, я уже одурел от недосыпания и чуть-чуть задремал, вдруг прямо вздрогнул от звяканья железа. Выглянул я тихонько из беседки и увидел, что двери кладовой открывают двое мужчин.

А на территории лагеря ведь не крошечная тьма — и около ворот фонари горят, и над столовой... И поэтому, даже не особо напрягая зрение, я узнал в этих двоих завхоза Захара Петровича и Васю. «Ну, — думаю, — молодцы, даже ночью проверяют». А понял я всё тогда, когда Вася, пыхтя и отдуваясь, вынес одну за другой две большие картонные коробки, потом закрыл кладовую на висячий замок и, оглянувшись, сильно

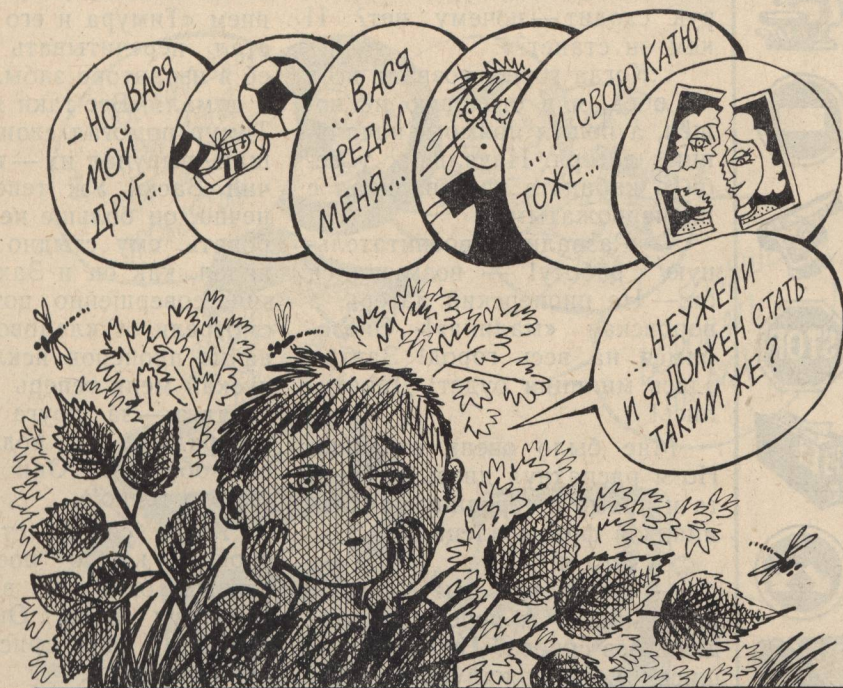

ударил по нему молотком. Замок упал на траву. Вася и Захар Петрович взяли по коробке и пошли за территорию.

А я потихоньку — за ними следом.

Шли они недолго. Почти сразу за оградой, под здоровенной сосной, оказался закрытый ветками тайник. Вася и Захар Петрович сгрузили туда коробки, завалили лапником, накидали сверху колючего

думать: «Вася — вор. Со всеми конфетами, которыми он меня угощал и: „Сева, пас мне! Отлично!” и „Заходи, друг, поговорим”. Он вор. И все скандалы, которые закатывал Захар Петрович, — самая обычная липа. Что же мне делать? Если я знаю, кто преступник, я обязан сообщить. Понимаю — не маленький. Но Вася — мой друг. Он меня конфетами угощал. Когда мы в футбол игра-

мусора и разошлись в разные стороны.

А утром Саша Петухов объявил нам, что из кладовой пропала только что полученная сгущёнка — две коробки. И что теперь уже начальник будет вызывать милицию, потому что дальше терпеть всё это невозможно.

Тут я от всех убежал. И не пошёл купаться, хотя была жара и всё кругом плавилось. Я залез в кусты. Это около лагеря, я эти кусты нашёл, и теперь это мои личные кусты. Так вот я в них залез и стал

ли, он только мне пасовал и был в паре: „Сева, пас мне — отлично!” И просто так предлагал: „Заходи, друг, поговорим!”, и мы с ним сидели на ящиках около этой проклятой кладовой, и он мне рассказывал, что ещё два года назад на дискотеке познакомился с Катей Беловой, и она будет его ждать из армии...

Вася предал меня. Он предал всех нас. И свою Катю тоже. Но если Вася предатель — неужели и я должен стать таким же?

И неужели я своими рука-

ми отправлю Васю в тюрьму? Но ведь он — вор и отправлять его в тюрьму нужно!»

Я ещё вот что подумал: «А может быть, просто молчать, и всё? Приедет милиция, станут искать. Найдут — значит, Вася будет отвечать. Так ему и надо. А не найдут...

А если и вправду не найдут? Тогда Вася больше воровать не будет. В том смысле, что здесь, в этом лагере. А вообще — конечно, будет! Если с рук сходит — почему нет? И кем он станет?»

...Когда горны позвали всех на обед, я в столовую не пошёл, а пошёл прямо к начальнику лагеря. Начальник у себя в кабинете разговаривал с пионервожатыми.

— Развалили воспитательную работу! — возмущался он. — Не пионерский лагерь, а воровская «малина»! Опозоримся на весь город! Завтра здесь милиция будет! Докатились!

Мне было очень страшно. Но я распахнул дверь кабинета и прямо в середину начальниковой фразы вlepил:

— Это я!

— Вижу, что ты! — сказал начальник. — А почему ты входишь без спроса? Не постучавшись? Вот, пожалуйста! — Он показал на меня воспитателю. — Если уж мы до того дошли, что...

— Это я украл сгущёнку! — сказал я.

Тут в комнате стало очень тихо. Потом стало очень шумно. Потом опять тихо.

Сначала мне никто не поверил. Но когда я рассказал, где сгущёнка спрятана, и Саша Петухов, сбегав на то место, упавшим голосом сказал, что коробки именно там и есть, — поверили все.

Горнисты затрубили общий сбор. На центральной площади выстроился весь лагерь —

восемьсот человек. И все они смотрели, как председатель совета дружины семиклассница Аня Коробова сорвала с меня пионерский галстук. А потом, под свист и улюлюканье, меня повели в изолятор и там заперли.

Как ни странно — я очень хорошо себя чувствовал. Я весь ужин съел — мне Саша Петухов принёс: тарелки на стол брякнул и вышел, ни слова не сказав. Я с удовольствием «Тимура и его команду» стал перечитывать — кто-то её в изоляторе забыл. Я читал и думал: «Все-таки я молодец! Тимур помогал своим товарищам, выручал их — и я выручил Васю! Уж теперь-то, конечно, он больше не будет воровать, ему стыдно станет. Я видел, как он и Захар Петрович, совершенно потрясённые, смотрели от кладовой, как меня из пионеров исключали... И пускай меня теперь в тюрьму посадят — за друга можно и пострадать. А родителям я всё объясню. Они поймут — уж это точно!»

Когда совсем стемнело, в окошко кто-то постучал. Я открыл окно, и в комнату прыгнул Вася. Он сел на кровать и стал пристально на меня смотреть.

— Понимаешь, — тихо сказал он наконец, — запутал меня этот Захар проклятый. Он мне ещё в городе шестьсот рублей одолжил на магнитофон. Я думал — как-нибудь отдам, да вот не вышло! А он говорит: «Давай, никто не узнает!..» Он-то судимый уже, опытный! Говорит: «Подумаешь, ребёнок конфетку не получит или шоколадку!..» А ты не бойся, тебе ничего не будет. Пока шестнадцать лет нету — уголовная ответственность не наступает. Я точно это знаю. Скажешь: понял, осознал, — тебя и в пионеры обратно при-

мут. А я, конечно, всё — больше воровать не буду! Хватит. И так страху натерпелся! Спасибо, друг!

Он пожал мне руку и выпрыгнул обратно в окно.

...На следующий день приехала милиция — младший лейтенант из райотдела и проводник с собакой. Когда меня привели к начальнику лагеря, там шёл спор, и довольно крутой.

— Но ведь он место указал! — воскликнул начальник.

Овчарка взглянула на меня и равнодушно отвернулась.

— Да мало ли что он укажет! — устало сказал милиционер. — Видел, слышал — всё может быть! А вы...

Он повернулся ко мне.

— Ты, значит, вор?

— Я!

— Ну пошли!

Он надел фуражку, прово-

— Что значит — неправильно? — кипятился начальник. — Он сам признался! Что ещё нужно?

— Ему, может, ничего не нужно, — настаивал младший лейтенант, то снимая, то надевая фуражку, в ней жарко, а без неё не положено. — Но вы-то, взрослый человек, должны законы знать! Признание не является доказательством вины!

Проводник, намотав на руку длинный поводок, сидел в углу кабинета. Огромная овчарка лежала рядом.

дник что-то негромко сказал собаке, и все мы вышли из кабинета.

Конечно, весь лагерь уже толпился вокруг. Мы пошли по территории, ребята за нами. Пришли к яме, заваленной лапником. Я хотел откинуть ветки, но младший лейтенант не дал.

— Подожди! — велел он. — Что в тайнике?

— Сгущёнка.

— Сколько?

— Две коробки!

— Больше ничего?

— Ничего! — наобум сказал я.

— Ни шоколада, ни конфет? Ладно. Как хранятся?

— Чего? — не понял я.

— Ну, как стоят? Одна на другой или рядом? Может, завернуты во что-то? Или накрыты? Ставил сутки назад — должен помнить!

— Рядом! — опять наобум сказал я. — Ничем не накрыты.

Я не видел, чтобы Вася или Захар Петрович что-то сверху клали.

нагнувшись, достал из тайника одну коробку.

— Неси! — скомандовал он.

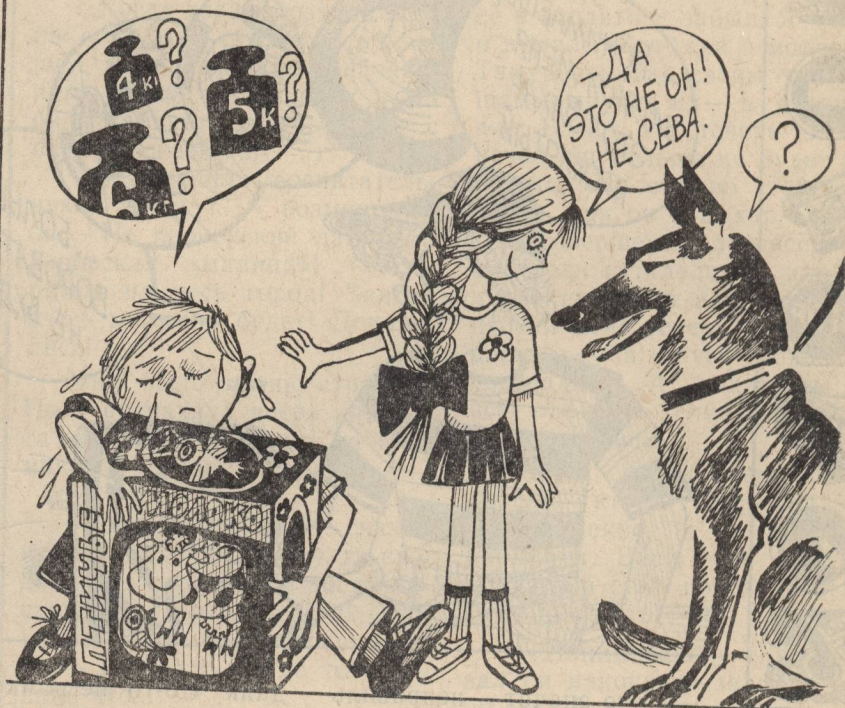
— Куда? — не понял я.

— В кладовую! Откуда взял!

Я приподнял коробку, и ноги у меня подкосились. Потом уже я узнал, что в фабричной упаковке содержится сорок банок!

Неверными шагами прошёл я метров десять и упал вместе с коробкой.

— Да это не он! — радост-

— Прошу внимания, товарищи! — громко сказал младший лейтенант и откинул ветки.

Коробки, оказывается, стояли одна на другой, но сверху ничем накрыты не были. Среди ребят прошёл негромкий говор. А овчарка зевнула и улеглась на передние лапы.

— Забыл! — сказал я. — Сгрузил, а как встали — не запомнил!

— Ну-ну! — иронически заметил младший лейтенант. И,

но воскликнул кто-то из ребят. — Не Сева. Куда ему!

— Тихо! — скомандовал младший лейтенант. — Может быть, ты её волоком по земле тащишь?

— Ага! — радостно подтвердил я.

— Прошу обратить внимание! — сказал младший лейтенант, легко приподняв коробку и поворачивая её всеми сторонами. — Ни на одной из граней коробки нет следов во-

И точно — не было...

Потом всей толпой, оставив коробки, мы пошли к кладовой, где стояли Вася и Захар Петрович.

— Товарищ младший лейтенант, — вдруг сказал Вася, шагнув вперёд. — Отпустите Севу. Я это...

— Чудеса! — воскликнул лейтенант. — Товарищи! Кто ещё хочет признаться?

— Я это! — упрямо повторил Вася.

— Ваше заявление будет учтено! — Лейтенант внимательно посмотрел на Васю. — Вы-то коробочку поднимете. Но не будем спешить! Прошу принести молоток!

Принесли молоток. Младший лейтенант протянул его мне.

— Давай! — велел он. — Сбивай замок!

Я изо всех сил трахнул молотком по замку. Потом ещё раз. Потом схватил молоток двумя руками!

Замок висел как ни в чём не бывало.

— Дай-ка мне, — негромко сказал Вася.

После первого же его удара замок упал на землю.

— Какой ужас! — воскликнул вдруг Захар Петрович. — Вася! Неужели! Как ты мог?!

Младший лейтенант опять посмотрел на Васю, потом на Захара Петровича.

— Остальное будем искать? — спросил подошедший проводник.

Лейтенант кивнул.

— Ищи, Корсар!

Поводок мгновенно натянулся, как струна. Овчарка рванулась вперёд. Проводник поспешил за ней, а мы — следом. Овчарка вбежала в домик, где жили служащие лагеря, остановилась перед комнатой Захара Петровича и несколько раз негромко пролаяла.

...И снова горнисты протрубили общий сбор. На глазах у всего лагеря Аня Коробова повязала мне галстук и крепко пожала руку.

ЕЩЁ РАЗ ОТ РЕДАКЦИИ

Олег Данилов попросил прокурора Н. Н. Кириллова прокомментировать этот случай.

— Видите ли, Олег, случай этот, надо сказать, непростой. И первое, что обращает на себя внимание, — это противозаконные действия начальника лагеря. Он не имел права оформлять Колечкина на должность кладовщика, то есть на работу с полной материальной ответственностью. Ведь Колечкин ещё несовершеннолетний, ему нет восемнадцати. И взыскать с него весь ущерб в случае, предположим, халатности — было бы невозможно.

Нельзя было допускать к работе с материальными ценностями и ранее судимого Севастьянова Захара Петровича. Его в своё время осудили именно за хищение. А получилось — «щучку бросили в реку»! Не окажись он на этом месте — не было бы и всей этой истории!

И, наконец, совершенно недопустимо было, не сообщив в милицию о первом факте хищения, устраивать самостоятельный розыск! Начальник заботился о «честь мундира», о поддержании престижа лагеря — и сыграл на руку преступникам.

— Скажите, Николай Николаевич, а какое наказание понесут Вася и Захар Петрович!

— Наказание определяет суд. И прогнозы тут неуместны. Но некоторые общие соображения высказать могу.

Кстати, чтобы не упустить... В разговоре Васи с Севой в изоляторе мелькнула такая фраза: «Тебе, Сева, нет шестнадцати лет, и ничего тебе не будет!» В общем, Вася прав — уголовная ответственность действительно наступает с шестнадцати лет. Но за некоторые преступления — такие, как убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, злостное хулиганство, умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда, и некоторые другие — надо отвечать уже с четырнадцати лет. В том

числе — и за различные хищения, в частности, за кражу государственного и общественного имущества.

А теперь о дальнейшей судьбе Васи и Захара Петровича. Дело в том, что при определении меры наказания суд учитывает обстоятельства, при которых совершается преступление...

— Простите, Николай Николаевич, но вы говорите слишком специальным языком. Боюсь, что наши читатели не сумеют всё до конца понять.

— Н-да!.. Мы, юристы, привыкли к точным формулировкам. Ведь от правильности применения закона часто зависит судьба человека!.. Ладно. Попробую говорить попроще... Если вы откроете Уголовный кодекс, то увидите, что в каждой статье есть так называемая «вилка» — от и до. Например — статья 206-я, часть 2-я — злостное хулиганство — от года до пяти лет. Или статья 89-я — та, которую нарушили Колечкин и Севастьянов, — от штрафа в сто рублей, в первой части, — до пятнадцати лет лишения свободы!

— Ого! А зачем же это сделано «от и до»?

— Разные люди, разные судьбы... На то и суд, чтобы всё учесть...

— А справедливо ли это — одному меньше, другому больше?

— Да. Потому что бывает, что какие-то факты или поступки хоть чуть-чуть, но оправдывают преступника, смягчают его вину. Ну, например, — человек совершил преступление впервые. Или его заставили — угрозами, или втянули в долги, или ещё что-нибудь в этом роде... Или вот: преступление совершено, виновного только ищут, а он сам является с повинной или чистосердечно раскаивается на следствии. Значит — осознал.

— А за что — самый большой срок?

— Если человек и раньше совершал преступления, но не только не раскался, а снова взялся за старое. Если преступники действовали группой, да ещё договорившись заранее. Это ведь опаснее, чем случайное нарушение. Если взрослый вовлёл в дело несовершеннолетнего.

— Скажите, Николай Николаевич, а как вы можете оценить поступки Севы Славкина?

— У меня, разумеется, есть вполне определённое мнение на этот счёт. Но я хотел бы сначала узнать, что думают по этому поводу ваши читатели — сверстники Севы! Это очень интересно.

РЕБЯТА!

1. Правильно ли действовал Сева Славкин? Нужно ли было исключать его из пионеров? А также принимать обратно?

2. Какие обстоятельства смягчают вину Васи Колечкина и Захара Петровича Севастьянова? А какие, наоборот, делают их преступление более тяжёлым?

Ждём ваших писем.

Владимир ВОЛКОВ

Рис. О. Филипенко

Две деревенские истории

Светит месяц...

Я сидел на своём крыльце, а друг мой Лёха — на своём. Низко склонившись, он тихонько наигрывал на балалайке.

Надо сказать, село наше на редкость музыкальное. Играют все и на самых разных инструментах: на баяне и на гармошке, на балалайке и мандолине. А школьный учитель

Николай Иванович — даже на скрипке.

Только я один ни на чём играть не умею.

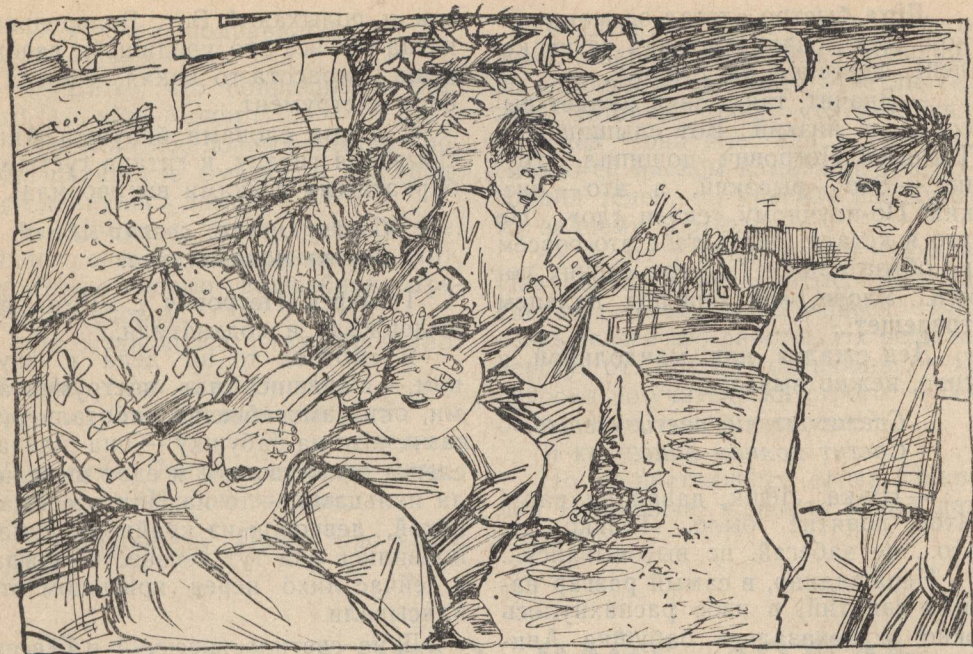
— Лёх, а Лёх...

— Чего тебе?

— Научи меня на балалайке играть.

— А чо! Можно! Иди сюда!

Во, гляди! — И он заиграл с особым старанием. — А теперь ты... — И он передал балалайку мне.

Я повертел балалайку в руках.

— А как играть-то?

— А очень просто. Лево́й руко́й зажима́й струны, то одну, то другую, то повыше, то пониже, а право́й — делай вот так. — И он быстро-быстро затряс у меня перед глазами кистью правой руки: — Понял?

Я кивнул.

— Начнём с самого простого. — Лёха задумался, посмотрел на небо и обрадовался: — О! «Светит месяц».

Месяц как раз вывернул из-под залёгшей на ночь тучки и засиял над селом.

— Я буду петь и играть, а ты смотри и запоминай.

И Лёха под собственный аккомпанемент тонким голосом запел:

*Светит месяц, светит ясный,
Светит полная луна.*

— Ну как — запомнил?

— Ага!

— Ну, тогда давай! Так... Зажал средним пальцем? Молодец! А теперь — большим и сразу вниз. Ну...

Да чо ты в неё вцепился-то! Я же её у тебя не отнимаю. Свободней держи! Понял?

— Понял.

— Начнём сначала...

Я старался. Я зажимал струны и средним пальцем, и большим, и указательным, и всеми сразу, но получалось всё то же — трень-брень, брень-трень...

Через полчаса наших занятий Лёха, потный и красный, кричал на меня.

— Ты чо? Нарочно? Нарочно, да? Вот как надо... — Лёха с ожесточением заиграл всё тот же «Светит месяц». — А ты чо делаешь?

На шум вышел Тимофей Петрович, Лёхин дед.

— Это чего вы тут расшумелись?

— Да вот Вовку игре обучаю, — пробурчал Лёха.

— Ишь ты — игре обучаю... А мне показалось — дерётесь. С чего бы это, думаю, на ночь глядя... Ну, и как — получается?

— Я ему — средним, говорю, зажимай, а он вцепился в балалайку...

— Средним зажимай... — передразнил Тимофей Петрович Лёху. — Эх, ты! Ну-ка неси сюда мандолину!

Лёха быстро слетал за мандолиной. Дед ловко крутанул её на колёне, пощипал за струны...

— Значит, так... Звук бывает высокий и низкий. Вот слышишь? — Тимофей Петрович пощипал струны. — Это — высокий, а это — низкий. По-научному «си» и «до»... Но это я кстати. Знать тебе это совсем не обязательно. Ты ухом струну почувуй... Улови, как она под пальцем трепещет...

Дед сжался над мандолиной и тихо, нежно вывел:

*Светит месяц, светит ясный,
Светит полная луна.*

— Ну-ка, Лёшк, давай на пару! Чтоб понятие было. Только ты это... не забегай, не высывайся...

Неожиданно, в самый разгар наших занятий, в избе запахнулось окно, и показалась бабушка Анисья.

— Это что ещё за ночное представление?

— Ты это... не шуми! — важно заметил Тимофей Петрович. — Мы тут Володьку игре обучаем.

— Чего, чего? Игре обучаете? — Она подозрительно посмотрела на нашу компанию. — И как же это вы его обучаете?

— Я ему, бабушк, говорю — средним зажимай, а он...

— Как надо, так и обучаем, — перебил Тимофей Петрович внука. — Ухом струну почует, и пойдёт игра.

Бабушка Анисья засмеялась, подождала меня к окну и тихим, добрым голосом сказала:

— Ты, Володенька, погоди, я... только вот накину на себя...

Бабушка Анисья появилась на крыльце с гитарой. Это была знаменитая на всё село гитара, отделанная перламутром.

— Эх, вы... Пальцем... Ухом... Что вы парню голову морочите! Ты, Володенька, сперва посмотри кругом. Видишь, месяц... Он ведь завис не где-нибудь, а прямо над нашей деревней... А вон пруд блестит, как блюдце... чистое вымытое, а окна-то, окна в избах какие — синью

так и полыхают! Вот, Володенька, когда ты всё это увидишь и вздохнёшь — красота-то какая! — тогда и бери инструмент.

С этими словами бабушка Анисья взяла гитару, и гитара густыми бархатными звуками выговорила:

*Светит месяц, светит ясный,
Светит полная луна.*

Тимофей Петрович с Лёхой не выдержали и подхватили...

Я смотрел то на деда с внуком, — сжавшись над инструментами, они самозабвенно работали руками, — то на бабушку — она сидела, слегка откинувшись, и едва шевелила пальцами, — то на Нинку с Кланькой, девчонок из крайнего дома, появились они тут неизвестно когда и сейчас лихо перед крыльцом отплясывали.

Луна светила вовсю. А я у всех на виду уходил от Лёхиного дома. Нет, никогда не научиться мне играть на балалайке!

— Ну, что голову повесил? — вдруг услышал я голос нашего школьного учителя Николая Ивановича. Он сидел на лавочке перед своим домом.

Я остановился.

— Замечательно играют! Особенно Анисья Семёновна. А ты... Ты не огорчайся. Я ведь слышал ваш урок музыки. Не каждому это дано... Но что я хочу тебе сказать. Уметь слушать музыку, понимать её — это брат, тоже радость великая! Знаешь... подожди минуточку.

Николай Иванович поспешно скрылся в доме и вернулся, держа в руках футляр со скрипкой.

— Мы никому не помешаем, — смущённо зашептал он, — уйдём за огороды. Я тебе такое сыграю, такое сыграю...

За огородами было свежо. Там гулял свободный луговой ветер. А когда Николай Иванович притронулся смычком к струнам, мне почудилось, что ветер принёс эти тонкие пронзительные звуки откуда-то издалека, может, от самых звёзд... И ночь сразу стала другой. И я тоже...

— Ну как, понравилось?

Я молчал.

— Вижу, что понравилось. Ещё бы! Это ведь Моцарт!

Николай Иванович бережно уложил скрипку в футляр, и мы тропкой двинулись домой.

— Природа, мой друг, щедра. Одного слухом гениальным наделит, другого — кистью волшебной, третьего — словом...

Он остановился и тихо прочитал:

Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь

блестит;

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,

И звезда с звездою говорит.

— Каково, а? Прямо про нас с тобой.

А когда мы были уже у нашего дома, Николай Иванович неожиданно подошел к стоявшей у ветлы телеге, которую только что закончил мой дед — она блестела в темноте, словно её маслом намазали, — и погладил телегу по красиво изогнутому заднему бортику:

— А вот у деда твоего, Захара Ивановича, руки золотые. Что ни сделает — всем залюбуешься. Вот взять телеги его работы. Их ведь за версту от других отличишь... — И спросил по-учительски строго: — Тебе понятно, о чём я говорю?

Я кивнул.

Но по-настоящему слова Николая Ивановича я понял много лет спустя.

В саду, когда идёт дождь

Как-то послали, меня к нашему соседу, старику Кулешову, за тяпкой.

Шёл дождь. Он то затихал, то с шумом разбегался по траве. Я был уверен, что старик сидит дома, но в избе его не оказалось.

— В саду он, шут бы его побрал, — проворчала бабушка Катя.

Кулешов я нашёл в глубине сада. Он сидел на лавке под вишней.

— Павел Егорович! — окликнул я его. — Бабушка тяпку просит...

Кулешов недовольно глянул на

меня, приложил палец к губам —
тс-с-с! — и поманил к себе.

Я подошёл.

— Садись и замри! — приказал он.

Я, недоумеваю, сел рядом. Минут пять мы сидели молча.

— О, опять, — прошептал вдруг старик, прислушиваясь к чему-то.

Я завертел головой, но ничего, кроме шума дождя, не слышал.

— Уловил? Тут надо наострить-ся... И тогда всё как на ладошке... весь их разговор...

— Чей разговор?

— Чей, чей, — недовольно про-бурчал Кулешов. — Деревьев, вот чей... — И замер, вытянув шею.

Мне стало не по себе. Я вспом-нил, что Кулешова на селе счита-ют... ну, считают, что он малость то-го...

— Да не ёрзай ты, ради бога! — Старик опять приложил палец к гу-бам. — Вот, вот, — зашептал он. — Слышишь? Это она, — кивнул он на старую яблоню-грушовку, перед ко-

торой мы сидели: — Это её голос...

Я смотрел то на старика, то на грушовку. И вдруг увидел, как она встряхнула свои нижние ветви, по-удобнее расправляя их под дождём, как упали с них тяжёлые капли до-ждя... И услышал! Честное слово, услышал!

— Хорошо, хорошо, хорошо, — шептала грушовка.

— Ещё, ещё, ещё, — шуршали ви-шни.

— Тише вы, тише, — вмешался в разговор куст крыжовника.

Я сидел, совершенно обалдевший.

Дождь перестал. В саду стало тихо. Только время от времени раз-давалась звонкая дробь — это в лу-жицы на садовой тропинке скатыва-лись с вишен тонкие прерывистые струйки дождя.

Кулешов дал мне тяпку. Прово-дил до калитки.

— Ты вот что... Об этом... — он кивнул в сторону сада, — лучше по-малкивай... А то ведь это... за-сеют...

Че ГЕВАРА

«...Наша воля непреклонна»

ПЕСНЯ БОРЬБЫ

Я один. Только ночь глядит на меня.
Но сквозь тьму ночную и расстояния
Старой Европы мне слышны голоса
И видны мне музеев прекрасные здания.

И я слышу: над всей Латинской Америкой
С каждым часом всё громче и всё
уверенней.
Раздаётся песня народной борьбы —
Песня Маркса — Энгельса — Ленина.

1956 г.

Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара. Эти два имени в истории Кубинской революции стоят рядом.

Они познакомились три десятилетия назад. Че Гевара был врачом, а отряду Фиделя Кастро, готовившему вооружённое восстание против диктатора Батисты, нужны были медики. О первой встрече с Фиделем Че Гевара вспоминал впоследствии:

«Я беседовал с Фиделем всю ночь. К утру я уже был зачислен врачом в отряд... Фидель произвёл на меня впечатление исключительного человека. Он был способен решать самые сложные проблемы. Он питал глубокую веру, был убеждён, что, начав борьбу, он добьётся победы».

30 лет тому назад, в декабре 1956 года, начался новый этап в революционной борьбе на Кубе — отряд Фиделя Кастро высадился с яхты «Гранма». В этом отряде был и Че Гевара. Более двух лет продолжалась борьба против тирании Батисты. И 1 января 1959 года она завершилась победой революционеров. Куба стала Островом Свободы.

О легендарной жизни Эрнесто Че Гевары знают, наверное, все. Но немногие знают, что он был не только врачом и революционером, но и поэтом. Он писал стихи в перерывах между боями. В его стихах звучали призыв к борьбе, страстная вера в победу революции.

Сегодня, публикуя стихи Эрнесто Че Гевары, мы посвящаем их юбилею руководителя Кубинской республики — в августе Фиделю Кастро исполнилось 60 лет.

ФИДЕЛЮ КАСТРО

Мы за тобой идём,
посланец утренней зари лучистой;
свободы путь — пред нами, а над нами
свет революции струится чистый.

Мы за тобой идём
по зеленеющим долинам и по горным
склонам,
быть может, смерть подстерегает нас,
но наша воля непреклонна.

И в час перед сражением, когда
не кланяться ни пулям, ни снарядам
ты учишь нас, и голос твой спокоен,—
с тобой мы рядом.

И в час сражения, когда ты первым
идёшь навстречу громовым раскатам
и шаг твой, как всегда, спокоен,—
с тобой мы рядом.

И в час, когда диктатора мы свергнем
(нам это будет лучшей наградой)
и Куба станет истинно свободной,—
с тобой мы будем рядом!

1956 г.

Рис. О. Недзвецкой

Перевёл с испанского
В. АНДРЕЕВ

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Сильнейший циклон, наделавший бед в Северной Атлантике, внезапно захватил и воздушный шар с нашими путешественниками. Профессор Алидада взглянул на компас: шар уносило в сторону Африки...

В корзине шара, которую кидало, словно корабль в штормовых волнах, всё смешалось. Манная крупа высыпалась на аккумулятор, пила упала на резиновую лодку, микроскоп профессора кувыркнулся на банку с вареньем и разбил её (к счастью, микроскоп не пострадал). К тому же пилот Крылышкин доложил профессору, что шар начал снижаться, а причина тому — трещина в оболочке шара...

— Балласт за борт! — приказал профессор.

Шар мчался стремительно. Изредка чёрные облака, его окружавшие, прорезала молния. Алидада томился вынужденным бездействием, но — что делать? — поделаться он ничего не мог... Через много часов полёта, когда был сброшен уже абсолютно весь балласт, облака поредели и ветер начал стихать.

Искорка принялась наводить порядок в корзине, остальные члены экипажа ей помогали, как вдруг...

Все увидели внизу... волны, а на востоке — полоску суши.

— Вот и Африка! — закричала

Искорка. — Мы просто не долетели до неё...

— Мы так неслись по воздуху с этим циклоном, что могли уже долететь и до Индии... — проворчал Крылышкин, извлекая из хаоса вещей на полу корзины банку с резиновым клеем...

— Конечно, Африка осталась позади, — сказал профессор. — Это остров Мадагаскар. А я так давно мечтал побывать в этих местах... Ведь именно здесь был пойман целакант! — И Алидада торжественно оглядел всех по очереди...

— Какое-нибудь насекомое? — спросил Крылышкин, вырезая из куса резины большую заплату.

— Крылышкин, — укоризненно произнёс Алидада, — можно не знать последней марки гоночного автомобиля. Можно не знать результатов последних чемпионатов по регби, можно путаться, наконец, в направлениях современной поп-музыки, но нельзя ничего не знать о целаканте!

И как только шар коснулся прибрежного песка и Крылышкин закрепил канат за ствол пальмы, профессор Алидада начал рассказ.

**ИСТОРИЯ ПРО ЦЕЛКАНТА,
КОТОРОГО СУЧИЛИ
ВЫМЕРШИМ ПЯТЬДЕСЯТ
МИЛЛИОНОВ ЛЕТ ТОМУ
НАЗАД...**

— Целаканты, — начал профессор, — плавали в океане уже тогда, когда ещё не было на Земле ни пресмыкающихся, ни птиц, ни млекопитающих. Ни, тем более, скажем, людей каменного века... Целаканты

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

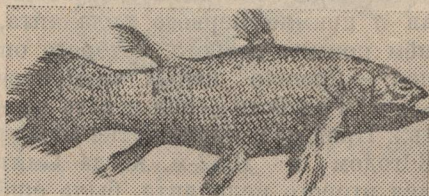
обитали в глубинах вод 300 миллионов лет назад! Окаменелые их остатки находят и в Америке, и в Африке, и в Европе... Окаменелые! Потому что никто и никогда целакантов живыми и не встречал. Учёные считали, что целакант вымер, подобно тысячам других видов животных, вымерших на Земле, подобно птеродактилям или динозаврам, — лет этак миллионов пятьдесят назад...

И вот представьте себе, что капитан одного рыболовного траулера в 1938 году возле берегов Южной Африки, заглянув в трал, полный живности, обнаружил рыбу, очень странную на вид. Она была синего цвета с мощной чешуёй, а грудные её плавники напомнили капитану... руки. Капитан позвонил в местный музей, которым заведовала женщина по фамилии Латимер: её (это знали все рыбаки) интересовало всё необычное, что попадалось рыбакам в океане.

Латимер взяла такси и приехала в порт. С большим трудом (и тоже на такси) доставила Латимер странное существо в музей. Вес его был около шестидесяти килограммов, а длина — почти полтора метра! Но никто из сотрудников музея, как и никто из людей в маленьком южноафриканском городке Ист-Лондон, ничего не смог сказать о странном животном, попавшем в трал рыбаков. Тогда Латимер заказала сделать из рыбы чучело и отправила письмо с описанием находки своему знакомому — учёному Смиту, который проживал тоже в Южной Африке, но в другом городе. Дело в том, что Смит был ихтиолог и мог что-нибудь знать об этой странной на вид рыбе.

Смит внимательно рассмотрел рисунок, который прислала ему Латимер, и понял: это редчайший случай! Это величайшая удача! Поймана рыба, которую считали давным-давно вымершей. Обитательница древних морей! Существо палеозойской эры! Кистепёрая рыба — целакант. Смит взял с полки толстый том и отыскал фотографию окаменелости целаканта. Затем сравнил фотографию с рисунком... Сомнения нет! Это была находка исключительной важности. Целакант, существования которого никто и предполагать не мог, обитал в океане! Это было открытие века!..

— Между прочим, — продолжал профессор, — я могу вам показать и фотографию окаменелости целаканта, и фотографию чучела целаканта, которого рыбаки передали Латимер. Вот она:

— А фотографии живого целаканта не имеется? — спросил Трик-Трак.

— А других целакантов ещё ловили? — спросила Искорка.

Только Крылышкин ни о чём не спросил, так как, цепляясь за верёвочную сетку, покрывавшую шар, он накладывал на оболочку большую заплату...

— Фотографии живого целаканта — редкость... Наверное, потому,

что у рыбаков редко бывает подружкой фотоаппарат. А относительно поимки других целакантов... Искорка, ты куда?

— Я хочу пособировать на берегу красивые раковины! — крикнула Искорка, направляясь к волнам прибоя.

— Только не свались в воду! — предупредил Алидада. — Мозамбикский пролив кишмя кишит акулами...

— Не свалюсь, — пообещала Искорка, но про удочку, которую тайком прихватила с собой, ничего не сказала. Хотела сделать сюрприз.

**ДРУГАЯ ИСТОРИЯ
ПРО ЦЕЛАКАНТА,
КОТОРОГО ПОЙМАЛИ
СПУСТЯ МНОГО ЛЕТ...**

— Убежала, — огорчился профессор, — а именно для неё я и хотел рассказать о том, как был пойман ещё один целакант, а потом и ещё...

— Может быть, и мне пойти с Искоркой? — сказал в раздумье Трик-Трак. — А вдруг встретится живой целакант и я сделаю редкий, сенсационный снимок?..

— Не встретится! — уверенно сказал Алидада. — Не встретится, потому что между тем днём, когда Смит узнал о поимке первого целаканта, и днём поимки второго, которого он увидел, — прошло целых четырнадцать лет! Редкость — она и есть редкость... Правда, в промежутке между 1938 годом и 1952-м, когда Смит увидел второго целаканта, была ещё и вторая мировая война и людям было не до целакантов — весь мир боролся с фашизмом. Но как только война закончилась, Смит стал искать возможность найти хотя бы ещё одного целаканта. И нашёл! Точнее, целаканта снова поймали рыбаки. Но нашёл Смит, потому что он по всему побережью Южной Африки распространил листовки, на которых была фотография чучела целаканта и цифра вознаграждения за поимку рыбы. Сумма, по понятиям местных жите-

лей, была очень большой — сто фунтов стерлингов или десять тысяч эскудо.

Сообщение поступило из глухого места — с небольшого островка, добраться куда было нелегко. Смит обратился к местным властям на материке и с большим трудом получил военный самолёт. Перелёт был опасным — стояла штормовая погода. Ещё опаснее была посадка на коралловом островке... Но всё позади! — и вот перед Смитом — громадная рыбина с плавниками, похожими на руки... Кистепёрый целакант! Номер два! В целости (от первого ведь сохранилось только чучело), со всеми внутренностями и костями. Громадная рыбина, словно явившаяся из глубины веков...

**ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЯ
КОТОРАЯ
СЛУЧИЛАСЬ С
ИСКОРКОЙ**

— Ай! Ой! Ай! — послышалось с берега.

— Так и есть! — сказал профессор. — Конечно, это наша самонадеянная Искорка упала в воду... Бежим спасать!..

— Сейчас! — сказал Трик-Трак. — Только на всякий случай захвачу походную аптечку...

Несколько секунд — и профессор с фотографом были на берегу.

Впрочем, с Искоркой ничего особенного не случилось... Хотя — нет! Судя по усилиям, с которыми она тянула лесу, она что-то поймала...

— В чём дело, Искорка?

— Удача! — покраснев от напряжения, сказала Искорка. — Я поймала этого самого... вашего... целаканта... Он клюнул на кузнечика...

Действительно, большая рыба, пытаюсь сорваться с крючка, плавала у самой поверхности... Трик-Трак потянул лесу, и рыба упала на песок...

— Вот, — сказала Искорка. — Целакант. Приобретение для науки...

— Какой же это целакант, — рассмеялся профессор. — Обыкновенная мурена! Правда, довольно различных размеров...

— Ишь, зубы какие, — сказала Искорка. — Мурена тоже хорошо... Трик-Трак, пожалуйста, сфотографируйте меня вместе с ней. — Искорка положила ладонь мурене на голову, и мурена цапнула Искорку за палец!

Пришлось Трик-Траку оказывать ей скорую помощь.

Профессора между тем заинтересовала прибрежная фауна. Он раскрасил блокнот для научных зарисовок и машинально взялся за карандаш... Один штрих, другой, третий... Он начал зарисовывать одну рыбу... И вдруг воскликнул:

— Неужели?!

Затем ещё громче:

— Не может быть!!!

Затем почти крикнул:

— Друзья мои!!! Да это же, это же — целакант! Трик-Трак! Снимайте! Снимайте скорее!

Фотограф понял в чём дело и принялся поспешно щёлкать затвором фотоаппарата: трик-трак! трик-трак!...

Целакант — на этот раз это действительно был он! — напуганный криком профессора, вильнул хвостом, повернулся боком и стал медленно уплывать в море и ушёл на глубину.

Трик-трак! Трик-трак! Трик-трак! — трудился Трик-Трак.

— Какая удача! — сказал профессор, — мы привезём снимки живого целаканта... Идёмте же к шару! Надеюсь, Крылышкин поставил запла-

ту и мы сможем продолжить путешествие...

Шар и в самом деле был приведён в порядок, и Крылышкин, поджидая друзей, собирал на берегу кокосовые орехи, сбитые ветром.

Когда шар был в воздухе, профессор заметил, что Трик-Трак чем-то озабочен... Он даже прятал глаза и ни с кем не разговаривал...

— Что-нибудь случилось? — любопытствовал Алидада.

— Как вам сказать... — вздохнул Трик-Трак. — Счастливый и редкостный снимок шёл мне в руки и вот...

— Да о чём вы? — спросил профессор. — Вам бы радоваться: теперь у нас есть фотография живого целаканта!

— Если бы... — сказал Трик-Трак. — Небывалая оплошность: я, снимая целаканта, забыл убрать крышечку с объектива... Виноват, профессор...

— Что ж, — философски заключил Алидада, — хорошо уже и то, что мы видели его. И хорошо, что я сделал набросок с натуры...

И профессор по памяти dokonчил рисунок целаканта... Вот он. А под рисунком Алидада сделал надпись...

Целакант, которого мы наблюдали во время нашего приземления на берегу острова Мадагаскара.

И в подтверждение того, что всё это именно так и было, Искорка и Трик-Трак поставили ниже свои подписи:

Искорка. Трик-Трак.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ПУБЛИКАЦИЮ ОТЧЕТОВ О ПУТЕШЕСТВИИ
 Олег Орлов
Рис. А. Московского

«На работу весь отряд...»

ОТРЯД „КОЛОСОК“

Сладок вечер, как медок.
Слышен голос горна:
То шагает «Колосок» —
Будущего зёрна!

На работе весь отряд
Дружен и проворен,
Для колхоза просто клад —
Двадцать восемь зёрен!

Двадцать восемь белозубых,
Двадцать восемь медолюбов,
Двадцать восемь смуглокожих,
На гречишный мёд похожих,
Есть хотят,
Пить хотят!..

Мы учились у земли —
Лучше нету школы.
Здесь комбайны, как шмели,
Люди, словно пчёлы.

Сладок вечер, как медок,
Тает голос горна:
Притомился «Колосок» —
Будущего зёрна.

Двадцать восемь белозубых,
Двадцать восемь медолюбов,
Двадцать восемь смуглокожих,
На гречишный мёд похожих,
Спать хотят,
Спать хотят...

ТЫКВА

Осень загорелая
По полю бежит,
Видит — тыква спелая
На земле лежит.

Вся в росе с утра,
Как телок, пестра.
До чего грузна!
До чего вкусна!
Мы её вдвоём
Её обхватили,

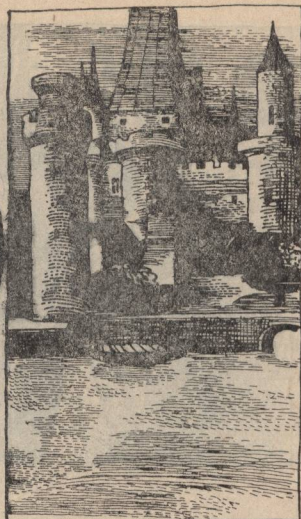
Мы её втроём
По полю катили,
После вчетвером
В печку посадили,
Всем отрядом ели
Целую неделю,
И ещё осталась
Малость:
Угощение для птиц —
Для дроздов и для синиц.

Перевёл с украинского
А. КРЕСТИНСКИЙ

Рис. Л. Уральской

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Бич веры»

Из всех годных для письма перьев — ястреба, пеликана, лебеда, ворона, утки, гуся и тетерева — Жоффруа Валле отдавал предпочтение третьему и четвёртому перу из левого тетеревиного крыла. Он сам затачивал перо специальным ножичком, сам расщеплял его, не доверяя мастерам-заточникам. Пемзу для подчисток ошибок держал самую тонкую. Циркуль, линейку и свинцовый карандаш для разлиновки бумаги хранил в специальном, с бархатным нутром, футляре. А за чернилами отправлялся на улицу Сент-Андре-дез-Ар к знакомому ремесленнику, который изготавливал лучшие в Париже чернила, смешивая в определённых пропорциях сок чернильных орешков из Леванта с вишнёвой камедью.

К бумаге и чернилам Жоффруа пристрастился ещё в бытность свою королевским нотариусом-секретарём. А может, и ещё раньше, в школьные годы. Но одно дело записывать что-то чужое, а другое — излагать на бумаге собственные мысли.

Вот появилась у тебя оригинальная мысль и не даёт покоя. Предположим, мысль о том, что вера быва-

ет двоякого рода. Есть вера, основанная на страхе, и есть вера, основанная на знании. Вера в бога, увы, основана не на знании, но стоит тебе чуточку усомниться в чём-то, как церковь начинает пугать тебя муками ада и пытками. И ты... перестаёшь сомневаться. Потому что боишься. Но вера, основанная на страхе, зыбка и непрочна. Попади верующий христианин в лапы к турку, он, напуганный ещё больше, отречётся от Христа и поверит в Магомета. Не убиваем ли мы веру, защищая её бичом, огнём и железом?

Вот о чём нужно написать книгу! И назвать её «Бич веры». Пусть наша вера будет без бича. Пусть христиан не гонят в церковь палкой и не сжигают только за то, что они не ходят к мессе. Нужно научиться главному — терпимости. По принуждению нельзя ни поверить, ни полюбить. Можно лишь сделать вид, что любишь и веришь.

Как хорошо, как ладно и просто складывалось всё это в голове у Жоффруа! А на бумаге получалось коряво, невнятно и путанно. Однако если переделать одно и то же раз десять, выходит уже и точнее, и проще.

Мысль, изложенная на бумаге, — чудо из чудес!

«Жоффруа не удивился. В мыслях своих он ни на минуту с ней не расставался.»

Из размолотого дерева и тряпья получается бумага. На листьях дуба созревают орешки для чернил. В лесу летает тетерев с прекрасными перьями. Ты пишешь пером тетерева по бумаге. Листы бумаги с твоими мыслями можно дать другому человеку, и он, если ты сумел высказаться достаточно убедительно, согласится с тобой, станет твоим единомышленником.

А какой восторг читать и перечитывать чужие рукописи! Попадались такие, что вызывали у Жоффруа чувство зависти. Мысли в рукописях были столь остры и точны, что Жоффруа начинало казаться: подобного совершенства в изложении он достигнуть не сможет.

В тот день Жоффруа увлёкся переписыванием замечательной рукописи и вдруг услышал голос Ангелики Готье:

— Здравствуйте, Жоффруа.

Жоффруа не удивился. В мыслях своих он ни на минуту с ней не расставался.

— Посидите минутку, — сказал он. — Я сейчас. Какие здесь изумительные слова! Какие мысли! Вот бы мне научиться так писать!

— Вы мне прочтёте то, что там написано? — спросила Ангелика.

— Разумеется. Я затем и переписываю рукописи, чтобы дать прочесть их всем честным и мыслящим людям. Вот, к примеру:

«Люди обычно ни к чему так не стремятся, как к тому, чтобы возможно шире распространить свои убеждения. Там, где нам это не удаётся обычным способом, мы присовокупляем приказ, силу, железо, огонь. Беда в том, что лучшим доказательством истины мы склонны считать численность тех, кто в неё уверовал, огромную толпу, в которой безумцев безгранично больше, чем умных людей...»

Или вот:

«Только глупцы могут быть неколебимы в своей уверенности... Кто рабски следует за другим, тот ничему не следует».

У Жоффруа возникало ощущение, что он давно носил в себе такие же мысли, а этот мудрец взял и сформулировал их, чётко и доходчиво изложив на бумаге. Кто он? Где живёт? Не оскудела ещё, выходит, французская земля отважными и мыслящими людьми! Не всех их замучили и сожгли на кострах.

— Чувствуете, какая мысль? — Жоффруа поймал себя на том, что рассуждает вслух.

Он говорил, а Ангелика улыбалась и слушала.

— Кто рабски следует за другим, тот ничему не следует! — горячился он. — Вы понимаете?

— Понимаю, — улыбалась она. — Очень хорошо понимаю и готова

рабски следовать за вами всюду, куда вы пойдёте.

— Но это совсем другое! — возмутился он.

И вдруг понял, что происходящее — вовсе не сон. Что Анжелика Готье, которая десятки раз уже являлась ему во сне, теперь на самом деле здесь, в его комнате.

— Как вы разыскали меня? — удивился он.

— Так... — ответила она. — Как люди разыскивают людей?

— Анжелика... Анжелика... — повторял он. — Но ведь это невозможно.

— Что невозможно? — спросила она. — Многие молодые люди предлагали мне руку и сердце, но я отказала всем. Я всегда любила одного вас.

— Но ведь вы не знали меня!

— Знала. Только ещё не встретила. И была убеждена, что встречу.

— Анжелика! У моей совести не станет ни минуты покоя, если я свяжу свою судьбу с вашей. Я обязан сделать задуманное, обязан написать свою книгу. Чтобы люди могли сказать обо мне: «Он сделал всё, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше». Именно потому мы никогда не будем вместе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лавка с дыркой

То, что лавка ростовщика Раймона Арины находилась на мосту Менья, имело много преимуществ. Главное из них: в полу задней комнаты имелся люк, а внизу, под крышкой люка, текла Сена. Верёвочная лестница у люка и привязанная внизу лодка с вёслами — что может быть лучше для человека, который бежал из тюрьмы и не желает, чтобы его упрятали туда снова. Помимо всего прочего, Базиль Пьер Ксавье Флоко отныне стал именоваться маркизом де Бук.

Баляясь целыми днями в задней комнате на кровати, Базиль читал нудные толкователи снов, бесконечные гороскопы и толстые альманахи с назидательными любовными историями. Читал и не знал, куда себя девать от скуки.

...В тот день дверь в лавку отворилась без стука. Оторвавшись от бумаг, Раймон взглянул на посетительницу в зелёной полумаске.

— Чем обязан? — поднялся он ей навстречу.

— Вы Раймон Арины? — произнесла незнакомка. — Называйте меня мадемуазель Сандреза. Над вашим другом опять нависла опасность. Когда и где я могла бы увидеть Базиль Пьера Ксавье Флоко? Я хочу ему помочь.

— Я не знаю, где находится Базиль. С тех пор, как его арестовали, о нём никто и ничего больше не слышал.

— Это неправда! — воскликнула Сандреза. — Вы знаете, что он бежал. И наверняка знает, где сейчас находится. Доверьтесь мне. Дело в том, что король решил, будто Базиль бежал из тюрьмы с помощью королевы Екатерины Медичи, и приказал во что бы то ни стало его найти.

— Клянусь, — уверял Раймон, — я не пожалел бы для вас всего, чем владею, даже собственной жизни. Но не просите у меня того, чего я не могу дать. Я не знаю, где Базиль.

— Ах! — тихо воскликнула Сандреза. — Как вы жестоки. Вы убиваете меня. Мне дурно. — Пошатнувшись, она закрыла глаза и медленно опустилась на пол.

— Очнитесь! Не умирайте! Прошу вас! Я приведу к вам Базиля. Вы слышите?

Веки Сандрезы дрогнули.

— Вас зовут... Базиль Пьер Ксавье Флоко? — спросила она склонившегося над ней Базиля.

— Вы ошиблись, сударыня, — улыбнулся ей Базиль. — С вашего позволения, меня зовут маркиз де Бук.

Так волей судеб Базиль Пьер Ксавье Флоко освободился от своего доб-

«— Если я не ошибаюсь, вы Базиль Пьер Ксавье Флоко?»

— Нет, месье, я маркиз де Бук.»

ровольного затворничества в лавке ростовщика и встретил женщину, которую полюбил.

Они часто встречались. Базиль чуть ли не ежедневно приходил к дому, где его ждала Сандреза.

...В тот роковой день Сандреза узнала Базилья, как всегда, ещё издали. Но что это? Из переулка наперерез ему вышел человек, при виде которого у Сандрезы от ужаса перехватило дыхание. Она узнала в нём лучшего фехтовальщика Лувра, скандалиста и дуэлянта лейтенанта Поля де Шарнэ.

В просвет между листьями плюща Сандреза хорошо видела, как они приблизились друг к другу. Томительно проползла минута, вторая, а они всё о чём-то говорили.

Потом мужчины сбросили плащи, отступили на несколько шагов и вы-

ташили шпаги. Послышались удары, и на острых лезвиях шпаг заблестели отсветы солнца.

— Боже! Боже! Боже! — шептала Сандреза, едва сдерживаясь, чтобы не закричать. — Помогите ему, боже! Будь справедлив.

Лейтенант Поль де Шарнэ легко прыгал вокруг Базилья. Базиль скупыми движениями спокойно парировал удары, лишь изредка перекладывая шпагу из одной руки в другую. А Сандреза чувствовала, что надвигается беда.

И вдруг звон стали неожиданно смолк. Сандреза ещё не поняла, что произошло, а горло уже само вытолкнуло крик. Сверкнула шпага лейтенанта, Базиль упал, потом, скорчившись, повалился набок и откинул левую руку.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Великое огненное чудо

На Гревской площади семь огромных поленищ ждали, когда палачи поднесут к ним огонь. На столбах, привязанные цепями, висели грешники, живые и мёртвые. Среди них было подвешено и чучело. Потому что любого смертного, если его приговорили к сожжению, сжечь долж-

ны были непременно. Хотя бы и в виде чучела.

— Смерть им! — вопила толпа в тысячи глоток.

Когда на Гревской площади вспыхивали костры, парижские мальчишки вылаивали по всему городу кошек и, завязав их в мешок, волокли

сюда. На этот раз их было немного — то ли подлые твари, чуя приближение праздника, попрятались по чердакам и подвалам, то ли вообще оскудел славный город Париж...

По площади волнами прокатился гул. На высоком постаменте, обтянутом зелёной материей, вяло опустился в зелёное кресло под зелёным балдахинном король Карл IX.

Придворные дамы и кавалеры, стоявшие за спиной короля, изысканно переговаривались и скользили взглядами по толпе.

Екатерина Медичи зябко куталась в меховую накидку и позёвывала в кулак.

Король скучал и грыз ногти.

Сначала на эшафот поднимались приговорённые к самым лёгким наказаниям — к заключению в тюрьму, к ссылке на галеры, сечению кнутом... Дружно свистели над площадью кнуты, со вкусом и удовольствием обрабатывая обнажённые тела.

И в каждом из этих несчастных Жоффруа Валле — в такие дни он обычно стоял на площади — видел себя. Вместе с преступниками проходил все наказания, от самого лёгкого до самого сурового, и возвращался домой разбитым и опустошённым.

— Смилуйся над ними, святая мадонна, — бормотал Жоффруа, морщась от злого щёлканья кнута. — Дай им сил, упокой их души.

Даже коты в мешке вызывали у Жоффруа физическое ощущение боли. Словно его самого сунули в мешок, чтобы тоже бросить в огонь. Откуда такая варварская жестокость? Твари-то неразумные в чём повинны?

...Ворам отрубили уже правые руки, а еретикам — и руки, и ноги, а напоследок — голову. Готовился заключительный акт спектакля: в последний раз проверяли состояние тех еретиков, что были присуждены к сожжению живыми. Вместе с ними предстояло сгореть и чучелу Базиля, ради которого стоял сегодня на площади и ростовщик Раймон Ариньи.

Весть о гибели Базиля на поединке он узнал от Сандрезы.

— Базиль погиб, — сказала она. —

Но я пришла, чтобы сообщить вам, что он жив и невредим. Он просит вас помочь ему в одном небольшом деле.

Вот оно чем обернулось! Базиль, как всегда, шутил. Он хотел превратить в шутку даже собственную смерть. А Раймону, как всегда, предстояло его шутки оплачивать.

А произошло с Базилем вот что.

— Простите, — сказал лейтенант, внезапно появившись из-за угла дома, — если я не ошибаюсь, вы Базиль Пьер Ксавье Флоко?

— Нет, месье, — галантно ответил Базиль, — вы ошибаетесь. Я маркиз де Бук.

— Господин маркиз, — расшаркался лейтенант, — король подозревает некоего Базиля Пьера Ксавье Флоко в заговоре против королевского величества. Мой непосредственный начальник капитан Жерар де Жийю поручил мне затеять с Базилем Пьером Ксавье Флоко ссору, вызвать его на дуэль и убить. Выбор, как вы сами понимаете, у меня ограничен. Либо я убью Базиля Пьера Ксавье Флоко, либо за невыполнение приказа убьют меня.

— И вы решили, — сказал Базиль, — что вам выгодней убить Базиля Пьера Ксавье Флоко?

— Нет. Даже если бы я так решил, то, боюсь, не сумел бы осуществить задуманного. Я отлично знаю, как Базиль Пьер Ксавье Флоко владеет шпагой. Поэтому я хочу договориться с вами, глубокоуважаемый маркиз, о том, чтобы спасти и меня, и его. Я предлагаю разыграть небольшой спектакль. Мы немного попляшем со шпагами. Услышав звон клинков, во всех окнах, разумеется, появятся любопытные. Кроме того, сейчас за мной из-за угла наблюдает мой начальник, капитан Жерар де Жийю. Он заверил меня, что если не совладаю с вами я, он сам доведёт дело до конца. У меня сложилось впечатление, что вы чем-то не устраиваете его лично. Таким образом, свидетелей у нас больше, чем достаточно. Вы упадёте, будто на самом деле сражены моим ударом... В результате — я сохраню собственную

жизнь, к тому же получу благодарность командира и самого короля, а у вас будет гарантия, что Базиль Пьер Ксавье Флоко окончательно сошёл в могилу. Кого нет, того не ищут.

— Ваши доводы не лишены логики, — согласился Базиль.

Остальное Сандреза видела сама.

— И в каком же небольшом деле я теперь должен помочь Базилу? — хмуро поинтересовался Раймон, выслушав Сандрезу.

— Он хочет, чтобы вы перед аутодафе помогли ему ночью проникнуть в мастерскую, где шьют чучела, и набить то чучело, которое вместо него будет предназначено к сожжению, горшочками с порохом.

— Он надумал устроить грохот на весь Париж? — усмехнулся Раймон.

— На всю Францию, — поправила Сандреза. — Коль помирать, говорит он, то с музыкой.

И вот теперь на столбе висело, дожидаясь своего часа, чучело с начинкой.

— Мы, божьим милосердием, парижский прево вместе с советниками, — долетал до Раймона Ариньи нудный голос, — объявляем справедливым приговор, что ты, Базиль Пьер Ксавье Флоко, постыдно, аки блудливый пёс, сбежавший от рук право-

судия, повинен во многих заблуждениях и преступлениях. Мы решаем и объявляем, что ты, Базиль Пьер Ксавье Флоко, должен быть отторжен от единства церкви и отсечён от её тела, как вредный член, могущий заразить другие члены...

По знаку короля над плотным людским морем дружно запели трубы и ударила барабанная дробь. Палачи поднесли факелы к связкам сухого хвороста у поленища. Весело вспыхнула и побежал по хворосту огонь. Задымила, попискивая, кора на поленьях. Разом занялись на площади огромные костры — и те, что с живыми, и те, что с мёртвыми.

Позднее многочисленные очевидцы во всех подробностях рассказывали, как неожиданно разверзлись небеса, и оттуда ударил огненный меч. Оглушительный грохот прогремел над Гревской площадью, разметав костёр, на котором горело чучело. Взрыв оказался таким сильным, что пять человек получили ожоги. А палачу Люсьену Ледрому опалило волосы. Небольшая тлеющая головешка долетела даже до помоста, на котором сидел под балдахином сам его величество король Франции Карл IX.

— Чудо! — взывал народ на площади, рухнув на колени. — Чудо! Чудо! Чудо!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Знак ведьмы

Весь конец осени и целую зиму в Париже по случаю примирения католиков с гугенотами и окончания военных действий обсуждались два наиважнейших события — предстоящее обручение принцессы Маргариты Валуа с вождём гугенотов Генрихом Наваррским и божье знамение на Гревской площади во время казни. Говоря об огне с неба, большинство сходилось во мнении, что молния, которая ударила в костёр с чучелом, указывала на святость Базилия Пьера Ксавье Флоко.

— Он святой, — говорили в народе.

— Он святой, — не без помощи Екатерины Медичи вторили в Лувре.

В Рим отправили депешу с прось-

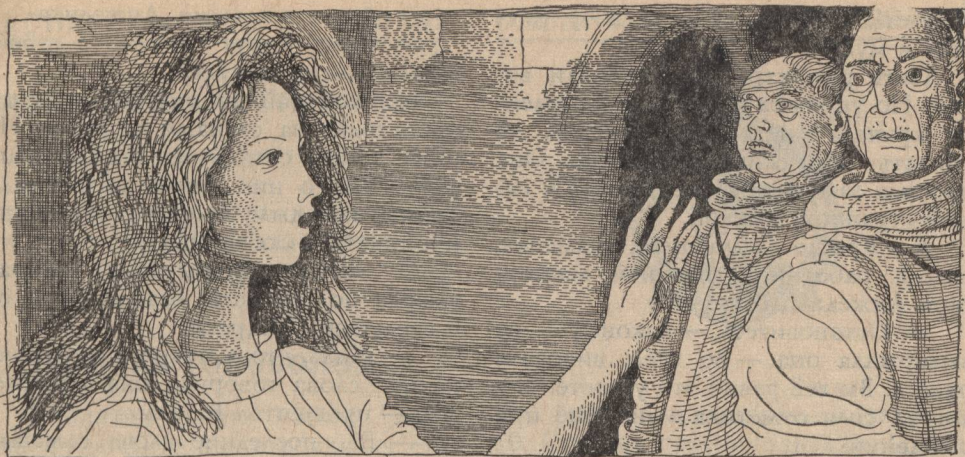
бой к папе Пию V официально признать погибшего в муках Базилия Пьера Ксавье Флоко к сонму святых.

Папа ответил так:

— Я смотрю, там, в Париже, чудят не переставая. То они просят согласия на брак католички с гугенотом. То еретика пожелали сделать святым. Повторяю: браку принцессы Маргариты с гугенотом Генрихом Наваррским не бывать. А с этим чудом... Передайте, чтобы там нашли, по чьей вине возникло «чудо», а виновных строго наказали.

В Париже для определения причины взрыва, произошедшего на Гревской площади, создали специальную следственную комиссию.

«— Остановитесь, — наконец не выдержала она. — Во всём виновата одна я.»

Прежде всего комиссия взяла в оборот тех пятерых, что получили ожоги. С пристрастием допросили и Люсьена Ледрома, которому опалило волосы. Разыскали и того, кто доставлял дрова для костров. Не забыли и тех, кто укладывал злополучный костёр. Выяснили, кто шил чучело печально известного Базиля Пьера Ксавье Флоко. Всего допросили шестьдесят одного человека, исписав семь томов протоколов.

Из шестидесяти одного человека сорок девять подозрений не вызвали. Их отпустили.

Двенадцать человек решили подвергнуть пыткам.

Уже заготовили для папы соответствующую бумагу, но тут неожиданно сыскался самый главный виновник, вернее, виновница происшествия.

Чучело Базиля Пьера Ксавье Флоко шила работница швейной мастерской Анжелика Готье. На предварительном допросе ничего интересного она не сообщила. Подозрение вызвало лишь то, что она, девица двадцати одного года от роду, вела замкнутый образ жизни.

— Назови своих подруг, — сказали ей.

— У меня их нет, — ответила она.

— С кем ты ходишь в церковь?

— Одна.

— А в лес за ягодами?

— Тоже одна.

— И не боишься?

— Немного боюсь.

— Кого?

— Не знаю.

— Ты опасаясь людей?

— Да.

— Почему?

— Так получается.

К тому же она дрожала, будто имела на душе большой грех. И Анжелику Готье решили подвергнуть пытке.

Однако сначала на неё попытались воздействовать Креслом следующего.

Она сидела в Кресле, а спиной к колесу привязали маленькую женщину, которую собирались пытать огнём и водой. Это была монахиня Франсуаза, единственный близкий человек убитого, таинственно пропавшего и шумно сгоревшего Базиля Пьера Ксавье Флоко. Её допрашивали с пристрастием.

— Не замечала ли ты, Франсуаза, за своим братом каких-либо странностей? — спрашивали её.

— Нет, — твёрдо отвечала она.

— Не пахло ли от него козлом? Не пробивались ли у него сквозь волосы рога?

— Нет, — твёрдо отвечала она.

Её на длительное время опускали лицом в чан с водой и вытаскивали полузадохнувшуюся. Затем медленно прокатывали над жаровней.

— Не-ет! — выла Франсуаза. —

Не-е-ет!! Господи! Как я хочу умереть в муках!

Пять раз жаровню заменяли водой. Но упрямая Франсуаза неизменно кричала «нет». Она умоляла не убивать её слишком быстро. Она просила замучить её медленной и самой страшной пыткой.

А в Кресле следующего, окаменев, сидела работница швейной мастерской Анжелика Готье.

— Остановитесь, — наконец не выдержала она. — Во всём виновата одна я. Вы всё равно это узнаете. Нечистая сила отметила меня ещё при рождении.

— Где? — спросил судья Таншон.

— На спине у поясницы.

— Разденьте её, — приказал он.

Когда Анжелику раздели, взору всех предстало большое, величиной с грецкий орех, родимое пятно.

— Знак ведьмы, — прошелестело под сводом камеры. — Вот откуда тот огонь с неба.

— Твои родители живы? — спросил судья Таншон.

— Да, — заплакала Анжелика.

— Они умрут вместе с тобой, ведьма, — сказал судья.

Великой тайной окутано всё, что происходит за стенами тюрьмы. Но разве тайны оставались бы тайнами, если бы о них никто не узнавал? Тайны, как дым, имеют способность проникать в любые щели.

О гибели Франсуазы, которая умерла под пыткой, Базиль узнал от всеведущей Сандрезы.

— Жаль, что я никогда не узнаю, какие слова говорила она напоследок, — прошептала Базиль.

— Её последние слова слышала работница тюремной швейной мастерской Анжелика Готье, приговорённая к сожжению на костре, — сказала Сандреза.

— За мои проделки, — задумался Базиль, — должна расплачиваться незнакомая мне Анжелика Готье. Разве это справедливо? И как раз она слышала последние слова Франсуазы. Я обязан спасти несчастную Анжелику Готье.

(Продолжение следует)

ИСКОРКА — 87 РОЗМЭРИ САТКЛИФ „АЛЫЙ ЗНАК ВОИНА“

(К рисунку на 4-й странице обложки)

«Старый пастух сидел, устремив взгляд в сторону моря, на коленях у него лежало копье с широким наконечником. Маленький, сухонький старичок, темноватый и жилистый, как корневиде дрока...

Тут же, теребя за ухо щенка, сидел на корточках мальчик лет девяти. Мальчик, как и старик, был полуобнажён, но вместо шкуры на нём была набедренная повязка из грубошёрстной крашеной ткани. Мальчик настолько отличался от старика, что можно было подумать, будто они явились с разных планет. Широкоскулое лицо мальчика, выдававшее горячность нрава, было, как и всё тело, густо усеяно золотистыми веснушками. Волосы его тоже отличались бронзой, и даже в серых глазах мелькали золотистые пятнышки...»

Так начинается роман Розмэри Сатклиф «Алый знак воина».

Это роман о мальчике Дреме, который жил на острове Великобритания в Бронзовый век, то есть примерно за 2000 лет до нашей эры. Как показывают археологические раскопки, остров в это время имел тесные связи с большим миром, но мальчик, живущий в меловых горах, ничего не знал об

этом мире. Из преданий ему известно, что его племя Золотоволосых пришло и покорило издавна живущих здесь темнокожих людей. И теперь они па-сут скот для своих хозяев.

Много испытаний выпадет на долю Дремы, но он победит их благодаря мужеству, стойкости и терпению. Он узнает, что такое дружба и верность друзей, которые приходят на помощь в трудную минуту.

Несколько слов об авторе.

Розмэри Сатклиф родилась и живёт сейчас в Великобритании. Она тяжело болела в детстве, была прикована к постели и, возможно, поэтому много читала, увлекалась историей, сагами, сказаниями... Рано проявилась у неё и способность к рисованию. В 1950 году вышла её первая книга, а сегодня — она одна из самых знаменитых детских писателей. Она создала целую серию исторических романов для детей.

В 1987 году «Искорка» напечатает первую часть романа Розмэри Сатклиф «Алый знак воина» в переводе Азы Ставиской.

КЛУБ СМЕКАЛИСТЫХ РЕБЯТ

Между смекалистами, при-
славшими ответы на наибольшее
число заданий, опубликованных в
этом номере «Искорки», будет раз-
ыгран приз. Срок для ответов до
15 октября.

ДВОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА

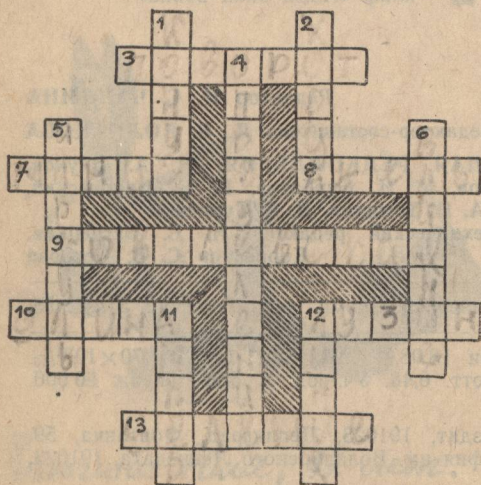
Найдите секрет этого зада-
ния и прочтите две строчки из сти-
хотворения киргизского поэта Того-
локо Молдо. (4 очка).

ШИХ	СБ.	МОЙ	ИНА	ЕХВ
3×3-6	4×4-1	3×3+1	2×3-4	3×3-2
НЕР	ВЗС	РУК	ДРУ	СПЛ
2×3+2	4×2-2	2×2-3	2×5+1	4×4-3
ели	НАР	УШИ	ОДО	ЖБЕ
3×5-1	2×3-2	3×3	3×3-4	3×3+3

КРОССВОРД

Составил Саша Гуляев
(185-я школа)

По горизонтали: 3. Движение
плоскости. 7. Математический знак.
8. Норвежский математик. 9. Пер-

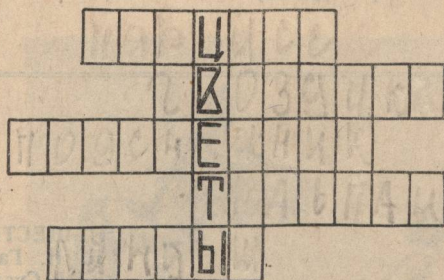
вая русская женщина — математик.
10. Сторона прямоугольника. 12. Со-
ветский математик. 13. Математи-
ческое действие.

По вертикали: 1. Геометриче-
ская фигура. 2. Отрезок, соединяю-
щий две точки окружности. 4. На-
хождение неизвестного, решение.
5. Чертёжный инструмент. 6. Ока-
зание действия на какое-либо реше-
ние. 11. Единица измерения тока.
12. Траектория движущейся точки
(4 очка).

ГЛАВНАЯ СТРОКА

Составил Алёша Гулин
(413-я школа)

В клетки горизонтальных ря-
дов впишите названия цветов (3 оч-
ка).

МИКРОРЕБУС

Какое здесь зашифровано сло-
во? (2 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!
[ответы к «Искорке» № 6]

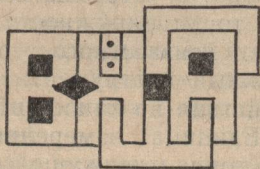
ПО БУКОВКЕ
Комсомольск-на-Амуре

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Рига. 2. Кора. 3. Снег. 4. Сито.
5. Керн. 6. Аист. 7. Море. 8. Танк.
9. Опал. 10. Наст.

РАЗРЕЖЬ!

На рисунке видно, как следует разрезать фигуру на 5 букв, из которых можно составить имя героя трилогии В. А. Осеевой «Васёк».

КТО Я?

РУка — рЕка

КТО ПОБЕДИЛ!

Между читателями, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 5, был разыгран приз. Он достался ученику 7-го класса 316-й школы Олегу Андрееву.

СОДЕРЖАНИЕ

Дом принаряжается, вязью украшается! Стихотворение Геннадия Морозова	1
Картины из села Гаврилова. Повесть Валерия Воскобойникова	3
Рюкзак поспел. Стихотворение Юлии Ларионовой	11
Монферран. Окончание очерка Василия Островского	12
Ленинград ждёт шахматных королей. Очерк Владимира Фёдорова	16
Узелок	18
Верность (К 100-летию со дня рождения М. Л. Лозинского) Очерк О. Кустовой	20
Солдаты с кинокамерой. Очерк Олега Ханеева	23
«Он был нашим первым университетом». Эпизоды из книги А. Томилина	29
Именем закона! Закон и дружба. Рассказ Олега Данилова	35
Две деревенские истории Владимира Волкова	44
«Наша воля — непреклонна». Стихи Че Гевары	48
Большое кругосветное путешествие на воздушном шаре. День пятый. Ответственный за публикацию Олег Орлов	50
«На работу весь отряд». Стихи Оксаны Сенатович	54
Еретик Жюффруа Валле. Главы из романа Константина Курбатова	55
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок Г. Ясинского «Каникулы»

На 2-й и 3-й страницах обложки детские рисунки «Летняя практика»

На 4-й странице обложки рисунок П. Парамонова к повести Р. Сатклиф «Алый знак воина»

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Сулов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 02.07.86. Подписано к печати 18.08.86. М-29682. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,72. Тираж 60 000. Заказ № 508. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Смирнов Вацл., 14 лет.

Терешенкова Ира, 14 лет.

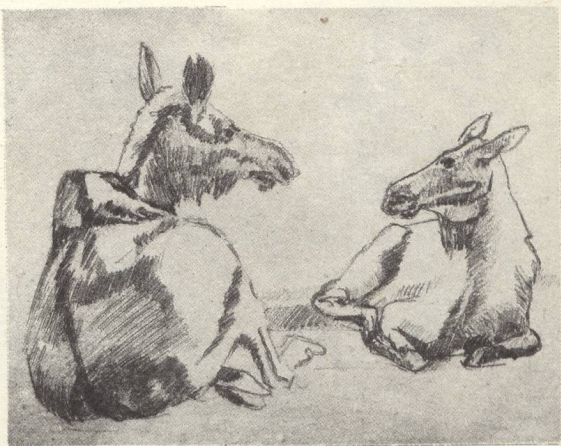

Катюшка Юлия, 12 лет.

ДЕТИ
РИСУЮТ
МИР

Овчинникова Надя, 13 лет.

Тарилер Нюра, 14 лет.

Розмэри Сатклиф
„Алый знак война“

— А ... этого ?
— Дрема схватил щенка и прижал к себе. Он напряжённо ждал, и от этого напряжения закололо под ложечкой.
— Тебе так сильно его хочется ? — спросил Тэлори. — Тогда я пожалуй продам его тебе, но... возьму выкуп.
— А какой выкуп ?
— ... Хорошо бы раздобыть птицу для котла. Это и будет твоя плата за щенка. Но только одно условие — убей её копьём !”

РОМАН БУДЕТ НАПЕЧАТАН В „ИСКОРКЕ“ В 1987 ГОДУ

„ИСКОРКА“-87

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ
ОТДЕЛЕНИЯХ „СОЮЗПЕЧАТИ“ ГОРОДА
И ОБЛАСТИ ДО 1 НОЯБРЯ.
СТОИМОСТЬ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ 2р.40коп.